

Перевод: Baka-ssi

Коррект: Yaranaika

Оформление и QC: Иллюзия

<http://illusionteam.net/>

Конохара Нарисэ

За решёткой

Описание

Доно отбывает срок по ложному обвинению, из-за чего вынужден делить камеру с четырьмя заключёнными с сомнительным прошлым. Окончательно потерять доверие к людям Доно не позволяет неожиданно искренняя доброта сокамерника – Китагавы. Осуждённый за убийство, Китагава впервые в жизни испытывает столь трепетное чувство – любовь.

За решёткой

Я невиновен.

Две недели назад на Завод № 8 при тюрьме Н. прибыл новый заключённый – Такафуми Доно. По распоряжению тюремного надзирателя – явно моложе самого арестанта – всё утро он должен был наблюдать за работой узников. К чему он и приступил, встав слева от двух сдвоенных столов, расположенных у офиса начальника завода. Два прохода, пересекаясь в центре, разделяли помещение размером в две аудитории на четыре отсека. Рабочая площадь каждого отсека находилась на двадцатисантиметровых возвышениях, которые чётко обозначали границу проходов.

На заводе занимались в основном пошивом одежды, поэтому вся рабочая площадь была уставлена ровными рядами швейных машин, которых насчитывалось несколько десятков. Непрерывное *тук-тук-тук*, будто приближающееся землетрясение, гулко разносилось по зданию.

Сентябрь только начинался, и погода была по-прежнему жаркой. Доно стоял неподвижно, чувствуя, как по спине медленно стекают капельки пота, и ощущая специфический запах мужского тела, что витал в воздухе. Зарешеченное окно слева, распахнутое настежь, совершенно не спасало – на улице ни ветерка, а вентиляторов в здании, конечно же, не предусматривалось. Лбы заключённых, одетых в мышиного цвета униформу, покрылись испариной от напряжённой работы – шить женские шубы было нелегко.

– Простите, сэр, – послышался громкий голос из-за одной из швейных машинок, и в воздух поднялась правая рука мужчины. Ему было около сорока. Надзиратель, что стоял у офиса начальника, тот час поднял на него взгляд.

– Закончились нитки, сэр! – крикнул мужчина. Получив разрешение покинуть место, он опрометью бросился к полкам в глубине комнаты. Схватив новую катушку ниток, он вновь подал голос: «Спасибо, сэр!»

В тот день Доно вручили нечто вроде инструкции с правилами жизни в тюрьме: с разработанным до мельчайших деталей поминутным расписанием дня, указаниями, как вести себя в камере, режимом работы, а также списком запрещённых

действий. Доно уже знал, что покидать рабочее место без разрешения надзирателя возбраняется, каковы бы ни были причины. Он привык к подобным ограничениям ещё в исправительном центре, однако прошлые требования не шли ни в какое сравнение с нынешними суровыми условиями, связывающими по рукам и ногам. Заключённые безостановочно строчили на машинках, не обращая внимания на новенького – настолько тщательно в этой тюрьме следили за порядком.

Сквозь гул работающих машин Доно слышал, как на улице стрекочут цикады. Работать совершенно не хотелось. Молча наблюдая безрадостную картину перед собой, он не переставал задаваться мучительными вопросами. Что он делает в подобном месте? Почему он должен стоять сейчас здесь, обливаться потом и наблюдать, как группа изнемогающих от жары мужиков работает за швейными машинами?

«Почему я?»

Мужчина задавал себе этот вопрос сотни, тысячи, десятки тысяч раз с тех пор, как его арестовали, в течение полутора лет, проведённых в исправительном центре, и вплоть до сегодняшнего дня.

Он никогда не забудет тот весенний вечер два года назад. На календаре – 16 марта. Шёл восьмой час. Доно возвращался с работы. Он только сошёл с поезда на платформу пересадочной станции, как кто-то схватил его за руку. Мужчина обернулся и встретился лицом к лицу с прелестной девушкой с короткой стрижкой. На вид ей было лет двадцать.

– Этот мужчина меня домогался! – завопила она, отчего взгляды всех прохожих тут же устремились в их сторону. Доно отчётливо помнил, что не совершал ничего подобного.

– Я вас не трогал. Должно быть, вы перепутали, – возразил он.

– Не прикидывайтесь дураком, – отрезала девушка, срывая голос и теряя самообладание.

– Это правда, я видела, – вмешалась женщина, что стояла неподалёку. Атмосфера вокруг них стала накаляться. И хотя Доно был невиновен, во взглядах окружающих читалось явное недоверие.

– Клянусь, я ничего не делал! – запротестовал он.

– Пройдёмте со мной!

Доно повели к начальнику станции. Всю дорогу девушка по-прежнему сжимала его руку мёртвой хваткой. Сколько бы Доно не заверял присутствующих в своей невиновности, ему никто не верил. Вскоре на место прибыла полиция.

– Мы выслушаем вас в участке, – сообщили ему. Доно был уверен – когда он объяснит всю ситуацию сам, его отпустят. Он ведь невиновен, в конце концов. Однако следователь не придавал значения ни единому его слову, ответив скорее утвердительно: «Это ведь были вы, не так ли?»

После этого Доно посадили в камеру предварительного заключения и допрашивали почти каждый день, не позволяя вернуться домой. Следователь решил прибегнуть к методу кнута и пряника. Сначала в ход пошли угрозы – «Сознавайтесь! Мы все прекрасно знаем, что это были вы!», которые позже сменились вкрадчивыми уговорами – «Если признаетесь, сможете отделаться штрафом в 30 000 иен». Доно претила сама мысль признаваться в преступлении, которого он не совершал, поэтому мужчина продолжал настаивать на своей невиновности.

Вся ситуация казалась настоящим ночным кошмаром. Из-за жуткого стресса у Доно начали выпадать волосы, стали частыми боли в желудке, он потерял десять килограмм. Мужчина всерьёз опасался, что после стольких изнуряющих допросов и бесконечных обвинений он может потерять рассудок и действительно почувствовать себя преступником.

Неопровержимых доказательств не было – только слова двух женщин, и Доно продолжал отрицать свою вину. Он понимал, что предъявить официальное обвинение ему не смогут, а через 20 дней заключения отпустят домой. Однако реальность оказалась жестокой.

В последний день содержания под арестом Доно признали виновным. В глазах тогда потемнело от ужаса. Он умолял отпустить его под залог бессчётное множество раз, но все его просьбы были отклонены. Прежде чем Доно предъявили окончательное обвинение, он провёл в камере предварительного заключения –

комнатке площадью пять квадратных метров – полтора года. Всё это время его не покидала единственная мысль: чем же он заслужил такое наказание?

В конечном итоге суд приговорил его к двум годам тюремного заключения. Из-за настойчивых и решительных отказов Доно признавать свою вину, судья посчитал, что мужчина «не проявляет никаких признаков раскаяния» и не смиловался над осуждённым. Более того, во время дачи свидетельских показаний девушка заявила, что Доно распускал руки в поезде не один раз, назвала его «рецидивистом» и обвинила в «предумышленном преступлении». Таким образом, несмотря на то, что прежде у Доно не было судимостей, ему не позволили воспользоваться отсрочкой исполнения приговора. Обычно дни, проведённые в исправительном центре до подписания приговора, вычитались из суммы всего срока, однако в деле Доно это правило было соблюдено лишь на 80 процентов – ему предстояло провести за решёткой ещё около десяти месяцев.

«Давайте всё-таки признаем вину?» – предлагал адвокат ещё в самом начале судебного процесса. По его мнению, в случае официального обвинения вероятность того, что оно будет снято, практически равнялась нулю. Упорство Доно могло только усугубить ситуацию.

«Я понимаю, Доно-сан. Вы хотите бороться дальше, потому что невиновны. Но такова реальность. Конечно, признание будет ложью, но так можно будет рассчитывать на отсрочку. И вы сможете покинуть исправительный центр».

Доно отказался. Отчасти из-за упрямства. Он зашёл так далеко и не может отступить сейчас! Мужчина твёрдо решил: после отбывания срока он покончит с собой. Он давно уволен с работы, провёл в заключении полтора года и вот теперь получил судимость. Лишь за то, что тем злосчастным вечером сел в переполненный поезд. Будь он действительно виновен, то смог бы, по крайней мере, достойно принять наказание за своё преступление.

Помещение огласилось громким звоном.

– Прекратить работу! Построиться!

Гул швейных машин тотчас замер. Заключённые выстроились в линию вдоль прохода, и началась переключка.

– Номер 145, Доно, – гаркнул надзиратель, встав на возвышение. Вздвогнув, Доно повернулся к охраннику.

– Встань в ряд с 3-ей Группой и отправляйся в столовую. Старший 3-ей Группы, Сибэ! Поднять руку!

Рука крайнего слева мужчины – лет за пятьдесят – взвилась в воздух.

– Вставай туда.

Доно быстрым шагом направился к заключённому с вытянутой рукой, споткнувшись по пути и чуть не потеряв равновесие. Его взгляд упал на старшего 3-ей Группы, и тот ухмыльнулся.

– Становись вон за тем долговязым, – последовало указание. – В столовой будешь сидеть рядом с ним.

Доно встал за мужчиной на вид ростом сантиметров 190, и строй немедленно пришёл в движение. В столовой каждый молча уселся на своё место. Доно последовал их примеру, устроившись рядом с высоким заключённым. По команде надзирателя узники принялись за еду: тушёный кальмар, редис, яичницу, шпинат в жидком мясном бульоне и перловую кашу. Приправ практически не чувствовалось, а порции были скудными. Есть совсем не хотелось, и Доно отложил палочки, не осилив и половины обеда. Отчеканив по приказу «Спасибо за еду», узники завершили трапезу. Как только грязная посуда оказалась в мойках, на Доно волной обрушился всеобщий гомон и шум телевизора. Мёртвой тишины, что царила в помещении минуту назад, как не бывало.

Одни повскакивали с мест, другие достали книги. Доно по-прежнему не двигался, чуть опустив голову и уставившись на грязную поверхность стола. В исправительном центре у него была одиночная камера, и кроме посетителей поговорить ему было не с кем. В то время он отчаянно искал возможности завязать беседу, не важно с кем, но здесь это желание мгновенно улетучилось. Ещё бы – каждый в этой комнате был «настоящим преступником», и это отталкивающим отпечатком легло на их лица.

– Эй ты!

Доно поднял голову и встретился взглядом с заключённым, что сидел напротив. Лет сорока, с лошадиным лицом и чуть косящими глазами.

– Первоход, да? Не очкуй, привыкнешь.

Доно был неприятен явный интерес окружающих. На заводе им, казалось, не было до него дела.

– Тебе сколько лет, кстати?

Хотя их разделял стол, Доно отчётливо ощущал зловоние изо рта мужчины. Он неосознанно поморщился, уловив запах тухлой рыбы.

– 30.

– Понятно, – пробормотал заключённый. – И что ты натворил?

– Я ничего не сделал, – ответил Доно вполголоса. Мужчина рассмеялся.

– Ну, ты должен был отчебучить хоть *что-то*, чтобы угодить сюда! Так что? Кража? Наркотики?

– Ложное обвинение.

– Да ну, – ухмылка.

– Это было ложное обвинение. Я невиновен.

На мгновение гомон прекратился, но вскоре болтовня возобновилась с новой силой.

– А, ну да, ясно, – пробормотал косой и, шлепнув ладонью по лбу, мерзко захихикал, подёргивая плечами. – Хе-хе. Странные у тебя бзики – быть невиновным и загреметь на нары!

На Доно обрушился шквал грубых выкриков и гиканья. Он опустил взгляд на столешницу и сжал ладони в кулаки под столом. После этого пара-тройка узников попытались втянуть его в разговор, но он положил голову на стол и притворился спящим.

Доно определили в камеру № 306, рассчитанную на пять человек, – помещение в 12 квадратных метров с уборной в дальнем правом углу, отделенной секционной перегородкой, верхняя часть которой была застеклена, и с простенькой раковиной из нержавеющей стали слева. На стене висели небольшие полки и крючки

для полотенец – по одному на каждого обитателя. Свёрнутые футоны лежали вдоль стен, аккуратно сложенные пижамы и постельное бельё – сверху.

Сибя, старший 3-ей Группы, тоже проживал в этой камере. В 16:20 переключкой закончилась работа, они вернулись в камеры и вскоре отправились на ужин, предварительно пройдя очередную проверку на присутствие. Немного отдохнуть от выматывающего графика им позволили лишь после ужина – в 17:30.

Место в камере рядом с высоким заключённым позади прямоугольного раскладного стола для Доно стало «излюбленным». Даже в свободное время узникам не разрешалось бесцельно расхаживать по камере или лечь на фuton – надзиратели тут же начинали ругаться. К этому Доно также привык в исправительном центре.

Больше всего Доно поразило наличие телевизора, в исправительном центре подобным не баловали. В столовой – ещё можно было понять, но в камере – невероятно!

– Доно, – раздалось за спиной. – Телевизор можно включать в 19:00, – улыбнулся Сибя, и от уголков его глаз за очками побежали морщинки.

– Уверен, смотритель и надзиратель рассказывали тебе основные местные правила, но если понадобится помощь – спрашивай. Я старший нашей группы на заводе, но в камере мы выбираем главного каждую неделю. Спать будешь возле туалета. Там воняет, но все новички проходят через это. Не волнуйся, через неделю мы поменяемся местами. Что же ещё... Ну, главное – не доставляй никому проблем. И не влезай в неприятности, иначе накажут, и телевизора нам не видать.

Доно подтвердил, что всё понял.

– Представлюсь ещё раз. Я Сибя, старший 3-ей Группы на заводе и главный в камере на этой неделе. Высокий парень рядом с тобой – Китагава. Самый молодой, ему вроде 28.

Лицо Китагавы не выражало ровным счётом никаких эмоций, словно маска театра Но¹. Только взгляд устремился на Доно. Было ясно, что новичок его не интересует.

¹ Маски Но, особенно женские, не выражают никаких ярких эмоций.

– Я Мицухаси, – представился мужчина, сидящий напротив Китагавы. Он выглядел лет на тридцать, как и сам Доно. – Меня выпустят досрочно ещё до конца этого года. Нам недолго делить камеру, но, надеюсь, мы поладим, – мужчина добродушно улыбнулся. Это был круглолицый общительный добрый малый с приятными манерами. На заключённого он походил только бритой головой и униформой.

– А рядом с Мицухаси – Кумон.

Им оказался косоглазый, который назвал Доно странным в столовой.

– Сколько тебе дали? – неожиданно спросил Кумон. Отвечать не хотелось, но Доно понимал, что нарываться на драку с сокамерником в первый же день не стоит.

– Десять месяцев, – неохотно ответил Доно.

– Десять месяцев? – повторил Кумон, прищурившись. – Пф, ссачный срок.

Доно чуть склонил голову набок в немом вопросе.

– Так мы называем сроки до года, – с улыбкой пояснил Мицухаси.

– Ты чё-то там калякал за обедом про ложное обвинение. Но раз загремел сюда, значит, не такой уж ты и чистенький.

Каждое слово Кумона вызывало у Доно жуткое раздражение, но он старался не выдавать своих чувств.

– Оскорблять непорядочно, – спокойно ответил Доно.

– Ага. А сам, видать, тоже ни хрена не порядочный. Нравилось женщин мацать, а? – Кумон смачно сплюнул, прищёлкнув языком. Доно поспешил объясниться.

– Не делай поспешных выводов. Она приняла меня за извращенца по ошибке.

– Да, но Доно, – вклинился в разговор Мицухаси, – это ведь твоя первая судимость, правильно? Слишком суровое наказание для такого пустячного проступка. Разве в таких случаях не дают отсрочку?

– Верховный суд отказал мне в апелляции.

– Даже так! – брови Мицухаси поползли вверх. – Верховный суд теперь разбирает дела о пристаивании на улице? А нельзя было вообще не доводить дело до суда?

Теперь было слишком поздно о чём-либо сожалеть. Доно грустно опустил голову и уткнулся взглядом в неровную поверхность деревянного стола. Полтора года в исправительном центре, непомерные гонорары адвокату, и вердикт виновности... Все усилия были напрасны. Если бы он знал, что так всё повернётся – пошёл бы на ложь и сразу признал свою вину. Заплатил бы штраф в 30 000 иен, поставили бы его на учёт и отпустили в тот же день! Он не стал бы бременем для родителей и младшей сестры и вернулся бы на работу. Сердце сжалось от боли. Вера в свою невиновность помогала Доно все эти полтора года, но теперь опереться было не на что.

– В жизни всякое случается. Смирись и терпеливо прими этот урок.

Сухой тон Сибы возмутил Доно. «Какой ещё «урок»?» – промелькнула мысль. Жить под одной крышей с преступниками, задыхаясь от бесконечных правил и изнемогая от однообразного рабского труда – это урок? Нет, это просто унижение!

Почувствовав приступ тошноты, Доно бросился в уборную. Как и ожидалось, весь ужин оказался в унитазе. После споласкивания рта в его горле першило. «Хочу остаться один, хочу остаться один...», – но здесь это, конечно, невозможно. Он хотел прилечь, но побоялся – время отдыха ещё не наступило, и можно было запросто схлопотать выговор от надзирателя. Доно устроился на напольной подушке за столом, своём «излюбленном месте», и положил голову на деревянную поверхность.

– Эй, ты в порядке? – поинтересовался Сибэ.

– Да, – резко ответил Доно, не поднимая головы.

– Тебе плохо?

– Нет, просто... устал, – признался Доно, всё так же не двигаясь с места. Вскоре от него отстали. Желудок скручивало, на глаза наворачивались слёзы.

– Кстати, вроде Таоку досрочно выпускают? Вчера в душе он задолбал тыкать мне в лицо своим хером. Понтовался новым пирсингом, что ли. Офигеть, как мужику может такое нравиться?! – воскликнул Кумон.

– Его член просто весь утыкан бусинами. На виноград похож, отстой, – лениво протянул Мицухаси.

– Я только «за», если его так же приятно сосать, как виноград, – вставил Сиба под всеобщий взрыв хохота. Доно всегда думал, что только члены якудза прокалывают себе пенисы. То, о чём ему и в голову не приходило болтать в повседневной жизни, здесь обсуждали ежедневно. Этот факт не добавил красок его и без того унылому настроению.

– За что Таоку опять посадили? – спросил Мицухаси.

– Убийство, – беспечным тоном ответил Кумон. «Убийство...» – У Доно ёкнуло сердце. Он приподнял голову.

– Он трахался с бабой, у которой был мужик. Похоже, Таока избил его до смерти, – добавил Сиба, почёсывая подбородок.

– Тогда его приговор слишком мягкий, нет? Четыре... Пять лет, я прав? – нахмурил брови Мицухаси, припоминая.

– Суд решил, что убийство было непредумышленным. Он наплёл им что-то невероятное, будто хотел лишь наказать парня, ударил пару раз, а тот не выдержал и помер. Должно быть, эта история прокатила, – пояснил Сиба.

– А, понятно, – пробормотал Мицухаси. – Пять лет за убийство... Он легко отделался.

Доно застыл в ужасе. Немыслимое убийство, но узники обсуждали его, как нечто обыденное. Из динамиков раздался сигнал, похожий на дребезжание школьного звонка. Разговор мгновенно прекратился, стол и напольные подушки убрали, их место заняли футоны. Следуя примеру сокамерников, Доно поспешно переоделся в пижаму, аккуратно сложил униформу и положил её в изголовье.

Запах, исходящий от футаона, трудно было с чем-либо перепутать – запах пота и немытых тел. Кроме того, из-за близости уборной в воздухе стоял смрад испражнений. По телевизору показывали только ток-шоу. Доно раздражал громкий смех, но он не осмеливался заикнуться об этом.

Лёжа неподвижно на животе и уткнувшись головой в подушку, Доно ощущал, как тоскливое чувство пустоты постепенно заполняет каждую клеточку его тела. Какого чёрта он здесь делает, в этом вонючем и шумном бараке с настоящими преступниками под боком?

Он никогда не совершал ничего плохого. Не опаздывал и не прогуливал занятия в средней и старшей школах, получал награды за посещаемость, в университетские годы участвовал в волонтёрской деятельности – помогал бедным детям из Эфиопии. Даже за всё время работы в муниципалитете отсутствовал на месте лишь один день – когда из-за простуды не смог встать с постели. Он честно и качественно выполнял свои обязанности. Где же он ошибся? Почему оказался в этом месте? Может, всё дело в банальном невезении?

Звонок из динамиков возвестил об отбое, и телевизор наконец погас. Комната потонула во тьме. Не прошло и десяти минут, как послышался скрежет чьих-то зубов. Сколько он не затыкал уши, звук всё равно был громким. Доно подскочил и раздражённо оглянулся. И не смог удержать приглушённого испуганного вздоха, когда внезапно встретился взглядом со сверкающими в темноте глазами. Это оказался Китагава, младший из сокамерников. Он протянул руку к лицу Кумона – именно он был виновником неприятного звука – и с силой шлёпнул по татами² у головы спящего. Оглушительный скрежет мгновенно прекратился. Похоже, подобная процедура стала уже привычным делом.

– Спа-спасибо, – пробормотал Доно, заикаясь. Китагава быстро перевернулся на другой бок, не удосужившись в ответ даже улыбнуться. Когда скрежет зубов перестал раздражать, вонь из туалета стала вновь невыносимой. Подошёл к концу первый день в тюремной камере. Глаз Доно так и не сомкнул.

Встав в 6:40, они наскоро оделись, сложили футоны и начали уборку. Обязанности по уборке распределялись заново каждую неделю, но, как новичку, Доно, конечно же, достался туалет. «Как иронично», – подумал он, отдраивая виновника своей бессонницы и покрасневших глаз.

Завершив с уборкой и перекличкой, они приступили к завтраку. Тарелки опустели минут за пять, узники почистили зубы, и вскоре из динамиков прозвучал приказ «На выход». Главный надзиратель открыл камеру, и заключённые выстроились по двое в коридоре. Разговаривать запрещалось. Перед тем, как попасть

² Маты из тростника, набитые соломой или синтетическим материалом.

на завод, им необходимо было пройти плановый осмотр в медпункте – раздеться до белья и предстать перед дежурными, а потом надеть рабочую форму в соседней комнате. После очередной переключки на заводе они выполнили странное упражнение «Дотянись до потолка» и, наконец, приступили к работе.

Доно было поручено прострочить уже смётанный подклад шубы. Хотя накануне Сиба объяснял, как заправлять нить в машинку, он не мог вспомнить правильного порядка действий. В такой ситуации надлежало просить разрешение на инструктаж. Стоило Доно обернуться в поисках старшего группы, как раздался крик надзирателя.

– Эй ты! – Доно вытянулся в струнку. Через секунду над ним грозно навис надзиратель. – Какого чёрта ты вытворяешь? – лицо охранника побагровело от гнева. – Не глазеть по сторонам во время работы!

– Ох, я... хотел... у старшего... чт-чтобы он проинструктировал, – из-за криков и угрожающего взгляда Доно бессознательно перешёл на шёпот. Глаз надзирателя нервно дёрнулся.

– Ты новенький, – догадался он.

– Да, сэр.

– Во время работы разрешается смотреть только на изделие. Если нужен инструктаж, поднимай руку и озвучивай проблему.

– Да, сэр...

– Старший 3-ей Группы, провести инструктаж! – рявкнул надзиратель. Взяв из офиса начальника завода «Инструкцию по эксплуатации швейной машины», Сиба направился к рабочему месту Доно.

– Я... я не помню, как заправлять нить, – руки и голос Доно дрожали – так тяжело было оправиться после внезапного выговора.

– Заправить, значит, – повторил Сиба и медленно показал всю процедуру. – Ты говорил вчера, что впервые имеешь дело со швейными машинами. Тебе просто нужно привыкнуть. Поначалу будет непросто, но ты не торопись. Главное – научиться аккуратности. Если строчка кривая или вышла за границу, нужно распороть шов и начать заново.

Сибэ вернулся на своё место, и Доно приступил к работе. Всё, что от него требовалось – лишь строчить по намётке. Но пальцы Доно дрожали: он боялся, что пристрочит их к ткани. Он стиснул зубы и нажал на электрическую педаль. Пытаясь приноровиться к ней, мужчина строчил неравномерно – то ускоряясь, то замедляясь.

В итоге строчка вышла корявой, и шов пришлось распарывать. Сколько бы раз Доно не начинал заново, строчить ровно по намётке не получалось. С каждым провалом росло раздражение. Почему он вообще должен этим заниматься? Подавив желание отбросить ткань, Доно продолжил аккуратно распарывать запутавшиеся нити.

– Прекратить работу! Построиться!

Он оторвался от машинки. Все заключённые вскочили с мест, и Доно неуклюже последовал за ними на выход. Уже полдень, а он ещё не закончил ни одного изделия.

По окончании обеда Доно направился к книжным полкам у дальней стены столовой. Если он будет рассеянно сидеть без дела, к нему начнут приставать с расспросами. Всё ещё свеж был в памяти вчерашний случай, когда Кумон поглумился над его «странными бзиками». Если местные к нему так относятся – не важно, несколько ли человек или большинство, – уж лучше он ни с кем не будет разговаривать. Большинство книг были изрядно потрёпаны и порваны. Даже в букинистический магазин их вряд ли приняли бы. Вытащив пыльный том с нижней полки, Доно открыл книгу. Обложка практически оторвалась и безвольно повисла на оставшемся клочке бумаги.

– Доно.

Он обернулся и встретился взглядом с Сибой.

– Как работа?

– ...Не ахти.

– Нужно время, чтобы привыкнуть к машинке, – Сибэ криво усмехнулся и скользнул взглядом по порванной книге. – Любишь читать?

– Да, более или менее.

– По тебе видно, что ты с мозгами.

Должно быть, Сиба заговорил с ним по доброте душевной, но Доно никак не мог отделаться от чувства, что последние слова были произнесены с сарказмом.

– Мне здесь больше нечего делать, – ответил он резко.

По лицу Сибы скользнуло странное выражение, но через мгновение его позвали с другого конца столовой, и Доно с облегчением выдохнул, вновь оставшись один. Сиба преступник. Каждый в этой комнате совершил преступление. «Я здесь единственный порядочный человек», – подумал Доно.

Одним октябрьским днём, когда исчезли последние крупницы лета, а по утрам стал ощущаться лёгкий мороз, к Доно пришла младшая сестра Томоко. Он не виделся с ней с того самого дня, как попал в тюрьму. Сестра выглядела исхудавшей.

– Как родители? – спросил Доно. Томоко чуть заметно сжала зубы.

– Мама слегла в больницу с язвой желудка, – пробормотала девушка, глядя в пол. – Думаю, это от нервного истощения. Но скоро её выпишывают, не волнуйся. Она очень хотела прийти сегодня.

Шокированный, Доно крепко стиснул пальцами колени. Мать была доброй, щедрой и энергичной женщиной – неужели она заработала язву из-за стресса?

– Как у тебя дела? – поинтересовалась Томоко. – Тяжко приходится?

– Я в порядке, справляюсь.

– Хорошо, – облегчённо вздохнула сестра. – Я хотела тебе рассказать кое-что. Мы троём уже всё решили... Через два месяца мы съезжаем из дома.

– Что? – воскликнул Доно.

– Мама с папой отправятся к бабушке в Фукусиму. У меня работа, поэтому начну снимать квартиру здесь.

– Почему вы съезжаете? Отец же ещё не вышел на пенсию!

Томоко потупилась.

– Ещё нет, но он собирается бросить работу.

На мгновение повисла тишина. Наконец, Доно решился озвучить то, что мучило его уже долгое время.

– ...Это я виноват.

– Нет! – воскликнула сестра. – Ты ни в чём не виноват. Мы верим в твою невиновность! Но соседи пускают слухи...

– Это бегство, – возразил Доно.

Томоко опустила голову.

– Прости, – тихо проговорила она. – Знаю, тебе сейчас тяжелее, чем нам. Я понимаю, *мы* понимаем... Но мы так устали. Больше невыносимо мириться с тем, что болтают люди.

В сознании всплыл такой знакомый образ родного дома. Отец купил его, когда Доно ходил в четвёртый класс. Они погасили ипотеку всего лишь пару лет назад. Отец тогда рассмеялся и радостно заявил, что его дом теперь действительно принадлежит ему. Они прожили там много лет и успели его полюбить. Но к тому моменту, как Доно выйдет из тюрьмы, дом, наверное, уже перейдёт в чужие руки.

Доно потерял работу, свободу, навлёк на семью беду, а теперь ещё лишится места, наполненного счастливыми воспоминаниями. За полтора года он утратил всё, что только можно было – веру, душевные силы, – но не предполагал, что у него отнимут и дом. Реальность смертельно пугала.

– Я уже нашла квартиру, – весело протараторила сестра. – С чердаком. Они, правда, вышли из моды, но мне всегда хотелось иметь чердак.

Томоко старалась говорить и вести себя беззаботно, чтобы подбодрить брата, хотя ей самой, несомненно, было тяжело. Благодарный её доброте, Доно попытался прогнать своё уныние.

– Зачем тебе снимать квартиру? Переезжай к Ясуоке!

Он думал поддразнить сестру, но её лицо приобрело неожиданную суровость. За месяц до ареста Доно, Ясуока пришёл к ним просить руки Томоко. Родители невероятно обрадовались. В день ареста семья как раз обсуждала подарки на помолвку и свадьбу. После у Доно, занятого своими проблемами, совершенно не было ни времени, ни сил волноваться о сестре.

– Ах да... К слову об этом. Мы разорвали помолвку, – сестра неопределённо махнула рукой. – Мы всё-таки не подходили друг другу. Такое ведь случается, ты же знаешь.

«Вы правда расстались потому, что не подходили друг другу?» – хотел было спросить Доно, но не решился. Слишком страшно узнать правду. Вскоре положенные на беседу пятнадцать минут истекли, и Томоко отправилась домой, оставив брату чистое бельё, носки и деньги.

После разговора с сестрой сконцентрироваться на работе не получалось. Переезд, госпитализация матери, разрыв помолвки... Доно мог думать только об этом. Случившееся перевернуло не только его жизнь, но и губительно повлияло на его близких.

Если бы он только не сел на тот поезд и не оказался рядом с той девушкой. Если бы он послушал следователя и согласился уладить дело вне суда. Если бы он только признал свою вину, заплатил штраф в 30 000 иен и извинился...

Доно всем сердцем верил в правосудие и был убежден, что однажды они признают: правда – за ним. Он надеялся и продолжал бороться... Но какое теперь это имеет значение? Ведь всё, что он получил взамен – это судимость из-за ложного обвинения и десять месяцев тюремного срока.

Нога замерла над педалью. Вот бы кто-нибудь подсказал Доно, в чём его вина. Если он заслужил такое наказание, пусть кто-нибудь укажет на его проступки. Сердце наполнилось горечью, глаза защипало. Пытаясь совладать со слезами, Доно стиснул зубы и нажал на педаль.

Он с головой погрузился в работу, сконцентрировавшись на ритмичном постукивании швейной машинки, и всего лишь на мгновение, на один мимолётный миг подумал о смерти.

Перерыв на обед в этот раз был короче обычного – 20 минут, так как после по распорядку шла физкультура. Доно почти не притронулся к еде – не было аппетита. Он не мог выкинуть из головы разговор с сестрой, который тяжким грузом лёг на сердце.

После обеда заключённых выпустили во двор подышать свежим воздухом. Размявшихся с помощью пары простых упражнений, узников предоставили самим себе и разрешили заниматься чем угодно. Одни заняли себя игрой в софтбол под

дружные возгласы и подбадривания нескольких болельщиков, кто-то продолжил самостоятельные упражнения, принявшись за отжимания. Другие рассредоточились по группам для обсуждения последних новостей. Доно предпочёл остаться в стороне и устроился на залитом солнцем участке земли у ограждения. В первое время Доно тоже приглашали принять участие в игре, но он отнекивался, ссылаясь на плохие физические данные. Отчасти это было правдой, но основная причина отказа состояла в нежелании общаться с обитателями тюрьмы.

Доно опасался, что среди людей, для которых болтовня о кражах и наркотиках была обычным делом, его собственные представления о добре и зле могут пошатнуться. Он чувствовал, что непременно попадёт под дурное влияние и утратит все понятия о нравственности.

По вечерам после ужина Доно углублялся в чтение книг, убивая всё оставшееся до отбоя время. Он никогда не начинал разговор сам и только отвечал на вопросы окружающих. Хотя Доно не заявлял открыто о своём нежелании иметь с ними дел, должно быть, он испускал некую ауру отчуждённости – даже Сиба и Кумон, которые взяли себе за правило вовлекать его в беседу, наконец, махнули на него рукой. Избавившись от назойливого внимания, Доно также лишился источников информации. Спустя почти месяц с момента знакомства с сокамерниками, он так и не знал, ни какие преступления они совершили, ни к какому сроку были приговорены. В тюрьме заключённые называли себя «мотающими срок», но что под этим подразумевалось, Доно узнал только недавно.

– Чем занимаешься? – прозвучал рядом голос Мицухаси.

– Да так, ничем.

Сокамерник, крикнув, примостился рядом с Доно на земле.

– Хорошая погодка, да? – широко улыбнулся Мицухаси.

– Да, – осторожно ответил Доно, удивляясь, что понадобилось мужчине.

– Ты в порядке? – перешёл к делу Мицухаси.

– В каком смысле?

– Ну, после того свидания ты странно себя ведёшь. Вот я и забеспокоился, всё ли нормально.

Доно насторожила подобная наблюдательность.

– Многие ломаются после встреч с родственниками. Если хочешь, я могу выслушать тебя, – предложил Мицухаси. – Но не заставляй себя, – добавил он поспешно. – Меня скоро досрочно выпускают, помнишь? Но мне хочется... как-то помочь тебе... Понимаешь... просто...

Мицухаси говорил сбивчиво, нерешительно.

– Ах, чёрт подери, – пробормотал он, проведя рукой по бритому затылку. – По правде говоря, меня тоже посадили из-за ложного обвинения. Но я никому не рассказывал.

Глаза Доно полезли на лоб от удивления.

– Если бы я признался, то разозлил бы здесь всех. Вот почему я молчал. Поэтому мне показался смелым твой поступок.

– За что тебя посадили, Мицухаси? – не отдавая себе отчёта, Доно наклонился ближе к мужчине.

– Как бы объяснить... Меня подставил... знакомый. Мы совершили сделку, но он заявил на меня в полицию. Ты же знаешь, они на веру принимают показания жертв. Меня и слушать не стали и осудили за мошенничество.

В памяти Доно всплыли яркие образы из недавнего прошлого: как следователь отказывался ему верить, сколько бы раз Доно не опровергал обвинения; протокол дела, основанный лишь на показаниях пострадавшей и в её пользу. «Вот если бы вы столкнулись в поезде с этой привлекательной девушкой, – предположили на допросе. – Это не вызвало бы у вас отрицательных эмоций?»

«Думаю, нет», – ответил тогда Доно, полагая, что этот разговор предназначен для налаживания контакта. Однако в протоколе зафиксировали следующее: «Со мной рядом оказалась девушка. Она мне очень понравилась». Неудивительно, что подобный наспех составленный отчёт настроил судей против него.

– Просто я подумал – наши ситуации так похожи. Не могу бросить тебя одного, – признался Мицухаси. – Срок у тебя небольшой, поэтому держись изо всех сил и не теряй веру в себя!

В груди потеплело. Доно и представить себе не мог, что кто-нибудь в таком месте сможет его понять. Не в состоянии больше сдерживать всю накопившуюся боль и обиду, он с горячностью принялся рассказывать о своих злоключениях: как его приняли за извращенца, какие изматывающие допросы и судебные слушания ему пришлось вынести, как он в итоге оказался здесь. От яростных жестикующих вспотели ладони. Закончив свою историю, Доно осознал – ему просто необходимо было выговориться понимающему слушателю. Слушателю со схожими чувствами и переживаниями.

Рассказ отнял столько сил, что под конец Доно сгорбился и устремил рассеянный взгляд в пустоту. Мицухаси легонько похлопал его по плечу, и Доно, благодарный поддержке мужчины, расплакался от облегчения – наконец-то все негативные эмоции, накопившиеся в душе, нашли выход. Впервые за всё время пребывания в тюрьме кто-то действительно смог понять его чувства.

Постепенно Доно привязался к Мицухасе. Зная о невиновности сокамерника, он отбросил недоверие и стал чаще вступать с ним в непринуждённые беседы. Тот откровенный разговор позволил понять, как много у них общего.

– Я стараюсь ладить со всеми, потому что не хочу оставаться один. Но на самом деле мне осточертело участвовать во всех этих базарах про воровство и наркотики, – признался однажды Мицухаси.

– Я тоже их не выношу, – выпалил Доно, согласно закивав головой. Мицухаси был интересным собеседником, хотя его разговоры с другими осуждёнными не позволяли этого понять. К примеру, он знал английский и китайский языки благодаря работе в торговой компании.

Таким образом, ко времени очередной стрижки в ноябре у Доно появился близкий друг, которому можно было открыть сердце. Да и к тюремным будням он стал понемногу привыкать.

Головы заключённым брили раз в двадцать дней, и эта стрижка была для Доно третьей по счёту. В такие дни настроение с самого утра становилось угрюмым. Он терпеть не мог вид этих бритых голов, одна за другой появляющихся из кабинета тюремного парикмахера. Он никак не мог отделаться от ощущения, что видит перед

собой учеников средней школы. Это походило на клеймо. Вечером узники обычно принимались оживлённо обсуждать друг друга: кого выбрили чисто, кому волосы оставили достаточно длинными, кому стрижка шла и кого портила. Мужчины в очередной раз затеяли эту раздражающую беседу, а Доно занял себя чтением: позавчера все книги в столовой заменили на другую коллекцию – с соседнего завода. Доно с радостью набросился на обновлённые полки и долго не мог решить, что же взять на этот раз, в итоге выбрал бестселлер десятилетней давности.

– Какого лешего нас вечно стрижёт этот старый пень Томи? Нашли бы кого поопытнее, – проворчал Кумон, хмурия брови. Ему пришлось воспользоваться собственной бритвой, чтобы подровнять кривые бакенбарды.

– Наверно, охрана считает, что никто не станет наезжать на старину Томи, – предположил Сиба. – Слышал, как-то завязалась драка из-за неудачной стрижки. Будь это какой-нибудь сопляк, я бы ему напощал. Но связываться со старикашкой, который еле на ногах держится... Так и врагов нажить недолго, – улыбнулся он, почёсывая голову. – Хотя нужно признать, в этот раз постригли хреновенько.

– Китагава везучий чёрт сегодня. Всё равно, – протянул Кумон, проведя мозолистой ладонью по волосам Китагавы. Тот раздражённо прищурился, но промолчал.

– У него правильная форма головы, может, так легче брить, – задумчиво пробормотал Мицухаси и посмотрел на Доно. – У тебя тоже, кстати, Доно, – добавил он и, перегнувшись через стол, погладил ёжик мужчины.

– Ух ты, такие мягкие! Это от природы?

– Прекрати, щекотно, – засмеялся Доно, вызвав улыбку у Мицухаси. Неожиданно почувствовав чужой взгляд, он обернулся и заметил, что на него пристально смотрит Китагава. Как всегда пугающе невыразительным взглядом. Не успел Доно удивиться такому внезапному вниманию, как мужчина отвернулся.

Через день пришло время водных процедур. Каждому заключённому выделялось пятнадцать минут в течение дня, и когда Доно выпадало мыться ближе к вечеру, он всегда с отвращением замечал потёки грязи на дне ванной. К счастью, в этот раз ему повезло попасть в утреннюю очередь, и вода была всё ещё чистой. Он

быстро намылился, сполоснулся и с удовольствием погрузился в ванную. Понезжиться в горячей воде удалось всего лишь пять минут, после чего надзиратель дал сигнал на выход, и Доно направился в раздевалку.

– Враль, – раздалось под боком, когда Доно, наклонившись, сушил полотенцем голову. Распрямившись, он встретился лицом к лицу с Китагавой. Тот смерил Доно безэмоциональным взглядом.

– Мицухаси, – добавил Китагава и отвернулся. Доно застыл в замешательстве, недоумевая над загадочным посланием мужчины, с которым за всё время перебрался от силы лишь парой слов. Китагава обвинил Мицухаси во лжи? Но ведь он порядочный человек и ему незачем лгать. Мицухаси приказали сегодня воздержаться от водных процедур, так как ему нездоровилось. У Доно сложилось впечатление, будто Китагава специально выжидал удобного момента заговорить, пока Мицухаси нет поблизости. Доно занервничал от этой мысли, но к тому времени, как он вернулся в камеру, инцидент напрочь вылетел у него из головы.

На следующий день заключённых выпустили во двор. По обыкновению, Доно устроился рядом с Мицухаси у ограждения и рассеянно стал наблюдать за игрой в софтбол.

– А Китагава...

– Что? – спросил Мицухаси.

– Что он сделал?

– За что его посадили?

Доно чуть заметно кивнул. Казалось, Мицухаси знал ответ, но не решался его озвучить.

– Ты ведь знаешь, да?

– Я не спрашивал у него лично... Но слухи здесь быстро распространяются. А что? Он тебя чем-то заинтересовал?

– Ну, немного, – замявшись, ответил Доно. – На днях он вдруг заявил мне: «Враль», и добавил «Мицухаси». Мне не дают покоя его слова.

– То есть он назвал меня брехлом?

Уловив металлические нотки в голосе друга, Доно испугался, что оскорбил мужчину.

– Нет, я не это имел в виду, – поспешил он оправдаться. – Просто... Мне не приходилось особо с ним разговаривать. И когда он вдруг это заявил...

– Доно, – перебил Мицухаси серьёзным тоном, – остерегайся Китагавы.

– Остерегаться?

– Он спокойный и молчаливый, но с ним опасно иметь дело. Я слышал, он может напасть без предупреждения и легко приходит в бешенство. Если верить толкам, он так часто попадал в изолятор, что потерял право на досрочное освобождение.

Китагава казался хладнокровным и равнодушным человеком. Доно не мог представить его в ярости.

– Не хочу поливать грязью сокамерника, но предупреждаю – не вставай на его пути. С ним лучше не связываться. Если Китагаве кто-то не нравится, он стучит на него надзирателю. Я знаю кое-кого, кто попал в изолятор из-за Китагавы. Он бесится, потому что лишился возможности выйти отсюда досрочно, и пытается теперь отобрать это право у других.

«Потерять возможность на досрочное освобождение? Чёрта с два я допущу подобное!» – подумал Доно. Внезапно воздух огласился громким ударом, и мяч, проделав длинную дугу, исчез из поля зрения. Китагава, будучи на позиции игрока с битой, пустился бежать. Когда он неторопливым шагом вернулся на домашнюю базу, Сиба и Кумон одобрительно похлопали его по плечам. Китагава был явно доволен собой.

– Знаешь, сидя вот здесь и наблюдая за игрой, мне иногда не верится, что мы действительно в тюрьме, – тихим голосом поделился Мицухаси. – Даже если они кого-то и прикончили, они всё так же едят, спят, играют в софтбол и смеются.

Слово «убийство» пронеслось в сознании Доно. Он встретился взглядом с Мицухаси, и тот кивком головы указал на высокого заключённого с равнодушным лицом.

– В этой тюрьме всегда содержались преступники, отбывающие долгосрочное заключение. Но с тех пор, как число мотающих короткие сроки увеличилось, их стали отправлять и сюда. Теперь здесь много и тех и других. На 8-ой Завод попадают в основном осуждённые на малый срок, но, бывает, встречаются и такие, как Китагава, – кто загремел сюда надолго.

Конечно, здесь обитали и убийцы, всё-таки это тюрьма, но Доно никак не ожидал, что с одним из них он делит камеру. Что рядом с одним из них он засыпает каждую ночь.

– Я не слышал этого лично от него, – продолжил Мицухаси, – но поговаривают, что Китагава не просто зарезал человека... Он буквально искромсал его тело.

Солнечные лучи по-прежнему припекали, но Доно почувствовал, будто его окунули в ледяную воду.

Ближе к концу ноября утренние и вечерние морозы стали особенно сильными. Камера была оснащена обогревателями, но Мицухаси ни разу не видел, чтобы их включали. Доно плохо переносил холод и впал в уныние от мысли, что скоро пожалует настоящая стужа.

На улице было зябко, и с самого утра моросил дождь. В обеденный перерыв Мицухаси подозвал Доно поговорить, и они отошли к дальнему углу с книжными полками.

– Похоже, послезавтра меня выпускают. Кое-кто из центра учёта передал, – прошептал Мицухаси. – Завтра меня переведут в изолятор, который нельзя будет покидать до самого выхода. Так что сегодня мы в последний раз работаем вместе, Доно.

Единственный человек, которому он мог доверять, уходит. Внезапно Доно почувствовал себя совсем одиноким. Заметив беспокойство на лице товарища, Мицухаси улыбнулся:

– Доно, если сможешь добиться досрочного освобождения, тоже покинешь эту дыру через три-четыре месяца. Держись, хорошо?

По правде говоря, Доно совсем не радовался освобождению друга, за что мысленно себя упрекнул.

– Удачи тебе на свободе, – тем не менее пожелал он. Мицухаси воровато оглянулся, оценивая обстановку, и наклонился к уху Доно.

– Не могу говорить об этом вслух, но я уже давно подумываю кое о чём. Мне кажется, там, на свободе, много таких, как мы, – отсидевших по ложному обвинению. Вот мне и пришло в голову собрать их, чтобы подать иск против государства. Доно, ты будешь бороться вместе со мной, когда выйдешь отсюда?

Бороться за своё честное имя... В сердце Доно зародился лучик надежды. Он успел примириться со своей участью, но вдруг появилась возможность всё изменить.

– Я... Я хочу бороться вместе с тобой.

Мицухаси широко улыбнулся.

– Я знал, что ты согласишься. Эту боль поймут лишь те, кто испытал её в полной мере. Буду ждать тебя по ту сторону забора.

Доно дал другу адрес своих родителей и спросил у Мицухаси его. Мужчина сконфуженно улыбнулся и признался, что ещё не знает, где будет жить.

– В марте я с тобой свяжусь. А до тех пор буду подготавливать дело.

Мицухаси оставался надёжным другом до последнего. На следующий день его перевели в изолятор, а через сутки выпустили на свободу. Доно чувствовал себя брошенным, но Мицухаси подарил ему цель. Прежде он не представлял, что его ждёт после тюрьмы, но теперь Доно точно знал – он вынесет любые тяготы и сразится со злом, что сломало его жизнь.

Перевод: Baka-ssi

Коррект: Yaranaika

Оформление и QC: Иллюзия

<http://illusionteam.net/>

Через день после освобождения Мицухаси к ним в камеру определили нового заключённого – Какизаки – двадцатисемилетнего парня, осуждённого за незаконное хранение наркотических средств. Ему предстояло провести в тюрьме два года. Какизаки был примерно одного возраста с Китагавой и, вероятно, поэтому привязался к безэмоциональному мужчине. Он окрестил Китагаву «братом» и всюду следовал за ним, несмотря на нескрываемое равнодушие и безучастность последнего.

Какизаки обожал говорить пошлости. Ни дня не проходило без его болтовни о пенисах, а самым громким своим подвигом он считал пятидневный секс «под кайфом». Его самодовольные рассказы о бесстыдных поступках позволяли сделать нелестный вывод: умом парень не блещет. В сексуальном плане он предпочитал мужчин, и из-за частых приставаний и похабных предложений, которые он делал с самым серьёзным видом, сокамерники его невзлюбили.

– У тебя, небось, недотрах зашкаливает. Кувыркнёмся разочек? – однажды предложил он Доно. Как и товарищи по камере, Доно его проигнорировал, и вскоре Какизаки отстал. Бывало, парень щеголял в душе с огромной эрекцией, но поскольку бороться с его пристрастиями было бесполезно, Доно мог лишь раздражённо вздыхать.

Каждый день мужчина был предельно осторожным и старался не нарваться на наказание, чтобы не лишиться права на досрочное освобождение. При благоприятном стечении обстоятельств он будет на свободе в середине следующего марта.

Поскольку его заключение было краткосрочным – или «ссачным», по словам Кумона, – Доно считался правонарушителем D-класса. Классы заключённых тюрьмы ранжировались от А до D. Тем, кто совершил наиболее тяжкие преступления,

разрешалось встречаться с родными и отправлять письма чаще других. Нормой для Доно были одна встреча и одно письмо в месяц.

Как-то в начале декабря Доно вызвал к себе посреди рабочего дня начальник завода и передал, что к нему посетители. Радоваться было особенно нечему: конечно, Доно хотел повидаться с семьёй, но мысль о том, сколько горя он им принёс, не позволяла ему без стыда посмотреть им в глаза. Прогнать он их тоже не мог – ведь они проделали такой долгий путь сюда, и Доно направился в комнату переговоров.

Мать пришла одна. В исправительном центре Доно позволяли переодеваться на встречи в повседневную одежду, но здесь он был вынужден предстать перед матерью в униформе мышиного цвета. Как самый настоящий преступник. Он сверлил глазами пол, стыдясь своего вида.

– Как ты? – мать сильно потеряла в весе с момента его заключения. – Очень тяжело приходится?

«В камере невыносимо холодно. Я боюсь, что моё сердце почернеет от соседства с этими преступниками. У меня слишком много свободного времени, которое я провожу в размышлениях о своей незавидной участи. Я думаю, думаю, думаю, а душа кричит от боли...»

Но правда только заставит мать волноваться больше. Доно отрицательно замотал головой.

– Я в порядке. Мам, как ты? Сестра говорила, ты попала в больницу.

Глаза женщины наполнились слезами, и она смахнула их носовым платком.

– Бедняжка... Мне больно смотреть на тебя... Но всё в порядке. Теперь всё будет в полном порядке.

Настойчивое «в порядке» вызвало лёгкое недоумение у Доно.

– Такамура-сан сделает всё, что в его силах, – заверила мать. – Всё будет хорошо.

– Мам, кто такой Такамура?

– Твой друг из университета, разве нет?

Пробежавшись по всем уголкам памяти, Доно не вспомнил ни одного знакомого с такой фамилией.

– Такамура-сан работает в столичном полицейском управлении. Он услышал от кого-то о твоём деле и пришёл к нам, потому что беспокоился за тебя. Такамура-сан сказал, что непременно вмешался бы в судебный процесс, если бы узнал раньше. Он так переживает за тебя. Хороший человек.

Доно насторожила эта история: он не был знаком ни с каким Такамурой, а в университете изучал естественные науки. Никто с его факультета не намеревался поступать на службу в полицию.

– Такамура-сан в хороших отношениях с руководством полицейского управления и сказал, что попросит их что-нибудь придумать. Мы выразили ему символическую благодарность, поэтому всё будет хорошо.

При словах «символическая благодарность» Доно вздрогнул.

– Мам, вы дали ему деньги?

Женщина уверенно кивнула.

– Это ведь ради твоего освобождения. Ему придётся обращаться к высокопоставленным чиновникам. Мы должны были выразить ему свою признательность.

– Я не знаю никого под фамилией Такамура. Кто он? Мам, кому вы дали деньги?

Измощённое лицо матери внезапно побледнело.

– Но... Но он сказал, что вы дружили...

– Как он выглядел? – продолжал настаивать Доно.

По словам женщины, Такамура был невысокого роста и носил очки. Немного полноватый и не особо привлекательный, но выглядел представительно благодаря костюму.

– Такамура-сан знал совершенно точно, в какой ты тюрьме. Все в курсе о твоём заключении, но я не говорила никому, где тебя держат. Вот почему...

– Мам, меня признали виновным, – резко оборвал Доно. – После вынесения вердикта ничто не может его изменить. Даже если кто-то узнает, что обвинение было ложным. Разговор с шишками ни к чему не приведёт!

– Я... Я не знала, – прошептала в оправдание женщина, сжимая ладони так сильно, что они побелели.

– Сколько вы заплатили? Ещё не поздно всё исправить. Вы должны подать жалобу в суд. Не могу поверить, что вы купились на его рассказы! – в сердцах воскликнул Доно.

– Мы... Мы только хотели помочь тебе...

– Сколько вы ему заплатили? – настойчиво спросил Доно.

– Три миллиона³, – дрожащим голосом прошептала мать. – Мы всё с отцом обсудили и решили, что это поможет вызволить тебя отсюда.

Голос матери будто постепенно растворялся в пространстве. Доно почувствовал лёгкий приступ головокружения и в отчаянии приложил руку ко лбу.

Он решительно намеревался найти человека, обобравшего его родителей на три миллиона иен. Негодяй вытянул из них деньги, когда они и без того страдали из-за ареста сына. Доно был в ярости, но он понятия не имел, кто бы мог так поступить. Только родителям и сестре было известно в какой тюрьме он отбывает срок, а поскольку болтать они не стали бы, больше никто не мог знать подробностей.

Обдумывая ситуацию, Доно вдруг пришла в голову невероятная мысль – а если это был Мицухаси? Но у него достаточно высокий рост, и полным его не назовёшь. Такую внешность сложно замаскировать, значит, Мицухаси вне подозрений. Тогда кто? Денно и ночью Доно пытался отыскать ответ на этот вопрос.

Три дня спустя во время работы на заводе Доно заметил, что пытается намотать верхнюю нить на шпульку. Раздражаясь из-за этой глупой оплошности, он осознал, что ни на секунду не перестаёт думать о воре. Намереваясь распороть лишний шов, он схватил ножницы вместо распарывателя и, прежде чем осознал ошибку, успел отрезать небольшой кусок ткани. Из-за ряда подобных промахов, которые он прежде не совершал, Доно решил, что постепенно сходит с ума от бесконечного круговорота мыслей о трёх миллионах. Но чем бы он ни пытался

³ Приблизительно 1 000 000 рублей.

отвлечься, стоило немного ослабить внимание, как мысли вновь возвращались к этой проблеме.

По обыкновению, после обеда Доно открыл очередную книгу из столовой, однако дальше первого предложения так и не продвинулся. «Кто же обманул родителей?» – не давала покоя одна единственная мысль.

– Доно.

Он вздрогнул и поднял взгляд на подошедшего Сибу.

– Завтра у нас стирка по расписанию. Ты хотел отдать носки в прачечную, да? – мужчина помахал клочком бумаги в правой руке. – Если не собираешься сдавать вещи сегодня, придётся завтра утром нести их в прачечную самому. Я заранее заполню за тебя запрос на услуги прачечной. У тебя только личные вещи, верно?

– Да.

Сибя собрал грязные носки сокамерников, перевязал их тесёмкой и положил в мешок для грязного белья. Доно не смог побороть желания обратиться с мучившим вопросом к старшему. И дело было не в том, что Сибя начал разговор первым, просто Доно отчаянно хотел поделиться проблемой с тем, кто мог бы выслушать.

– Эм...

Сибя обернулся к Доно.

– Не хочешь сдавать в стирку? – спросил он, чуть склонив голову набок.

– Нет... Я... Я не по поводу прачечной. Можно задать тебе вопрос?

– Что случилось? – Сибя поставил мешок на татами.

– Обычно только семья знает о месте заключения, верно?

– Да, если только ты сам не расскажешь кому-нибудь.

– Так я и думал... – Доно притих, и в разговор вмешался Кумон.

– О чём базар? Что-то стряслось?

– Да нет, не то чтобы... – замявшись, ответил Доно. Он попытался уйти от затронутой темы, но Кумон с Сибой принялись так настойчиво выведывать у него правду, что противостоять их натиску было невозможно.

– Какой-то человек наведлся к родителям и назвался моим старым другом. Сказал, что работает в полиции и поможет доказать мою невиновность. Родители поверили и выразили ему символическую благодарность, хотя...

– Символическую благодарность? – растягивая слова, повторил Какизаки, за что получил подзатыльник от Кумона.

– Деньги, дубина. Бабки.

– Ясно, – негромко проговорил Сиба и выразительно глянул на Кумона. Тот тоже украдкой скопил на него глаза.

– Доно, знаешь, здесь запрещено давать кому-либо свой или чужой адрес, – мрачно озвучил Сиба свою мысль.

– Я знаю...

– Ты давал его кому-нибудь?

В мыслях всплыл образ Мицухаси.

– Мицухаси, например? – спросил напрямик Кумон. Сердце Доно сжалось от дурного предчувствия.

– Но это не мог быть Мицухаси, – запротестовал он. – Тот мужчина был коренастым и грузным. У Мицухаси совершенно другая комплекция.

– Хмм, – задумчиво протянул Сиба, скрестив на груди руки. – Мицухаси освободили условно, так? Если его поймают за нарушением закона, ему грозит двойной срок. Он умён, не могу представить, чтобы он решился на такой опасный шаг.

– Я думаю, это Мицухаси, – уверенно заявил Кумон, перегнувшись через стол к Доно. – У тебя короткий срок, Доно. Ты откинешься ещё до того, как его снимут с режима условного освобождения. Он не смог бы замутить это дело, если бы ты шастал на свободе, поэтому не стал ждать. Верняк, он уболтал кого-то помочь, чтобы его не отследили.

– Точно, я не подумал об этом, – пробормотал Сиба.

Следя за разговором Кумона и Сибы, Доно всё больше убеждался, что виновником его бед был Мицухаси. Но как можно подозревать человека, которому открыл сердце?

– Но Мицухаси рассказал мне всю правду, – не сдавался Доно. – Что его тоже осудили по ложному обвинению. Мы договорились подать совместный иск, когда я выйду.

– Мицухаси пришили дело? Не гони, – фыркнул Кумон. – Он кидала до мозга костей. Вечно понтовался, что граблями собирал бабло с одиноких стариков, продавая им всякую шнягу.

В глазах Доно резко потемнело. Всё-таки его обманул Мицухаси! Ни черта он не был невиновным! И что значило обещание бороться вместе после освобождения Доно? Он в красках вспомнил каждую беседу с Мицухаси. Работа в торговой компании и знание иностранных языков – тоже ложь? Его искреннее участие, сочувствующие кивки, поддакивания «о, мне это знакомо», «конечно, я понимаю» – всё это было фальшью?

Теперь Доно припоминал, что Мицухаси рассказывал о себе только в те моменты, когда они уединялись после обеда или во время отдыха во дворе. Когда Мицухаси признался, что остальные не знают о его ложном обвинении, Доно решил, что он просто не желает выбалтывать правду всем подряд. Но теперь Доно понимал, что скрытность Мицухаси объяснялась необходимостью избежать разоблачения. Он ведь и адреса своего не оставил Доно и, похоже, не собирался давать его в будущем. Хорошая уловка – наврать, что ещё не решил, где будет жить! Из всех недомолвок и странностей, наконец, вырисовывалась отчётливая картина. Приоткрыв от удивления рот, Доно невидящим взглядом уставился на шершавую поверхность стола, не в силах поверить в подобную бесчеловечность. Его провели!

Сибя встал за спиной Доно и крепко сжал плечо мужчины.

– Мицухаси ублюдок. Но ты повёл себя крайне неосторожно, Доно. Таких случаев полно, когда доверчивые сокамерники распускают язык, и тот, кто выходит из тюрьмы первым, обкрадывает бывшего товарища.

– Не могу поверить, – прошептал Доно, сжав кулаки и стиснув зубы. Охватившее его отчаяние было острее, чем в момент вынесения приговора. Доно бросило в дрожь от нарастающего гнева.

– Я... Я его засужу! – воскликнув, подскочил Доно и потянулся к звонку, чтобы вызвать надзирателя, но Сиба перехватил его руку.

– У тебя нет доказательств, – сказал он твёрдо. – Даже если подашь иск, Мицухаси достаточно будет заявить, что он понятия не имеет, о чём ты. А тебя отправят в изолятор за сообщение адреса сокамернику, ведь это противоречит правилам. Тогда придётся забыть о досрочном освобождении.

Доно тяжело опустился на татами. Он знал преступника, но не располагал доказательствами. Он сам был виноват, но не мог изменить ситуацию.

– Ты посоветовал родителям оформить жалобу, так? Остаётся только ждать результата.

Но если Мицухаси не поймают с поличным, если ему удастся выйти сухим из воды – Доно придётся признать своё поражение. От осознания своей беспомощности Доно не смог сдержать слёз. Родители и без того упали в глазах общества из-за судимости сына, так теперь ещё Мицухаси посмел нанести им повторное оскорбление, обобрав до нитки. Но бóльшую злость у Доно вызвал метод преступника: использовать доверие человека, чтобы нажиться на нём! «Друг, вор, грабитель, лжец, обманщик...» Доно медленно поднял голову. Краем глаза заметив вечно безэмоциональную физиономию высокого заключённого, Доно бросился к нему и схватил за грудки.

– Ох... Эй! Прекрати! – Сиба поспешно оттащил Доно от Китагавы.

– Ты знал! – гневно выкрикнул мужчина. – Ты знал, что Мицухаси собирается... обокрасть меня! Знал же?! Почему промолчал? – не унимался он.

Даже яростный взрыв негодования Доно не смог изменить равнодушное выражение лица Китагавы.

– Доно, потише, – предупредил Сиба. – Если нагрянет надзиратель...

Но Доно его не слышал.

– Отвечай! – проревел он. Китагава разгладил помятую на груди рубашку и отрывисто выдохнул.

– Я не знал, – ровным тоном проговорил узник. – Я ничего не знал. Я просто сказал тебе, что Мицухаси по природе обманщик.

Прозвенел звонок, возвещая время отдыха перед отбоем, и в ту же секунду окошко на двери с грохотом распахнулось. За решётчатым проёмом показалось лицо надзирателя.

– Эй! Что за шум устроили тут? – рявкнул он.

Сибя шагнул в его сторону.

– Простите, – произнёс он, опустив голову. – Думаю, мы слишком громко включили телевизор. Сейчас исправим.

Глубокие складки появились на переносице охранника. Выражение вмиг стало грозным.

– Вы знаете, что телевизор можно включать только после 19:00 и никак не раньше. Ты имеешь наглость заявлять, что вы включили его до предписанного правилами времени?

– Простите, сэр, – вновь извинился Сибя. – Сегодня моя дочурка участвует в национальных соревнованиях по бегу. Они проходят в Кобэ, и я хотел узнать, какая там погода.

Очевидно, слова «дочурка» и «национальные соревнования» произвели должный эффект, что позволило узникам отделаться лишь предупреждением.

– Мне плевать, что там у тебя за причины, – прикрикнул надзиратель. – Просмотр телевизора в непредусмотренное время запрещён. Не нарывайтесь на наказание.

Когда охранник ушёл, узники принялись собирать стол, раскладывать футоны и переодеваться. Доно, будто в трансе, продолжал сидеть на полу. Он слышал, что к нему обращаются, но не мог вымолвить ни слова. Сибя расстелил фuton вместо него.

– Отлепил свою задницу от пола и переоделся, иначе нам всем влетит, – зло прошипел Кумон, что заставило Доно, наконец, надеть пижаму. – Сложить униформу не забудь, – добавил косоглазый. – Слушай, я знаю, ты в шоке, что этот хрен тебя одурачил, но если получишь штраф за свои выкрутасы – не видать нам телека, усёк?

Доно аккуратно сложил униформу и скользнул под одеяло. К горлу подступили слёзы, сердце раздирало невыносимое чувство вины и стыда перед

родителями – все беды из-за его беспечности. Он проклинал грабителя, на чём свет стоит. «Если бы проклятием можно было убить», – в сердцах восклицал про себя Доно. Такие мерзавцы, как Мицухаси, не заслуживают права жить. Доно бы продал душу дьяволу за возможность вырваться из заключения и убить предателя, самому или же чужими руками.

Мужчина раз за разом истязал зубами подушку, давя рвущиеся наружу крики, пока не стало сводить челюсть и наволочка не взмокла от слюней. Он даже не заметил встревоженные взгляды Кумона и Какизаки.

В сознании бесконечным круговоротом вертелись одни и те же мысли: «Ненавижу», «Я убью его», сменяясь порою на мимолётное «Хочу умереть». Доно отчаянно этого желал, ведь он принёс своей семье столько страданий, и не один раз, а трижды. Само его существование превратилось в неприятность. Он знал, что лучше будет исчезнуть из этого мира.

Немного вздремнуть Доно удалось лишь на рассвете. Зародился новый день, но мужчина чувствовал себя полностью опустошённым, будто наполовину живым, а сознание его было окутано плотным туманом.

За завтраком Доно не съел ни крошки. Казалось, каждое действие – дорога до завода, начало работы – тело совершало автоматически, бессознательно. Глядя на ровные стежки, Доно чувствовал себя бездушной машиной. В обед он также оставил тарелку полной, а за ужином даже не взял в руки палочки для еды.

– Есть не будешь, что ли? – спросил Сиба, но Доно и не думал отвечать.

Когда наступили часы отдыха, он немедленно забрался под одеяло, по-прежнему проклиная Мицухаси, испытывая к себе отвращение за глупость и беззаботность и тщательно обдумывая возможные способы лишить себя жизни.

Однако в тюрьме даже смерть была недоступна: сокамерники этого не допустили бы, а просить одиночную камеру не имело смысла – Доно слышал, что подобные прошения от преступников D-класса даже не принимались к рассмотрению. Он серьёзно задумывался над тем, получится ли повеситься в ванной комнате, отпросившись отлучиться во время работы. Не припоминая, есть ли в

туалетах хоть какие-нибудь перекладины, чтобы закрепить верёвку, Доно отложил этот вопрос на завтра.

Решившись покончить с жизнью, ему стало чуть легче на душе. Но при мысли о том, что умирать Доно собирается из-за такого подлеца, как Мицухаси, желудок скручивало от бешенства и негодования. В такие моменты он напоминал себе, что смерть навсегда избавит его от страданий, и все сомнения отступали.

На следующее утро Доно едва притронулся к завтраку. Вместе с перерывом на обед пришло и разочарование: в туалете не обнаружилось ни одной перекладины, ни гвоздика для верёвки. В голову закралась идея откусить себе язык, но в тот момент храбрости набраться так и не удалось, к тому же Доно хотел написать завещание.

За обедом Доно осилил половину порции. Помыв за собой посуду, он направился к книжным полкам, но желания читать как не бывало. Какой в этом смысл теперь? Он задумчиво прошёлся взглядом по небольшой столовой, ощутив наполняющую сердце безысходность – последние мгновения жизни он вынужден провести в тюрьме.

Доно заметил, что к нему направился заключённый пятидесяти лет из камеры напротив. Мужчину звали Нацуки. От него всегда нестерпимо разило рвотой, хотя с наступлением зимы запах стал чуть менее резким.

– Здорово, Доно, – обратился к нему Нацуки. Они не были близки и почти не разговаривали прежде. Доно слегка кивнул, и Нацуки ухмыльнулся.

– Слышал, Мицухаси развёл тебя на кучу бабла.

Из горла узника послышались громкие булькающие звуки. Как он узнал? Доно ведь рассказал только сокамерникам.

– Откуда ты знаешь?

Заклучённый засунул мизинец в правую ноздрю и, поковыряв пальцем, вытащил содержимое.

– Этот придурок Какизаки сказал, что ты совсем бацильный, как жмурик, – гоготнул Нацуки, а затем склонился к уху Доно и прошептал, обдав смрадным дыханием:

– Твой дружок рассказал мне, какой ты наивный и податливый малый. Он раскусил, что твои чопорные родки сберегли денег, и, похоже, попал в самую точку.

– Т-ты знал о его планах?

– Ещё бы! Я тоже положил на тебя глаз, но он сказал не трогать его добычу.

Доно до дрожи в руках сжал кулаки.

– Предупредил бы хоть, – негромко проговорил он. – Из-за него мои родители...

Нацуки хохотнул, и его плечи заходили ходуном.

– С хрена ли мне сдались твои предки? Сам виноват, что повёлся на его бадягу.

Нацуки, явно довольный собой, вознамерился было уйти, но не успел: Доно грубо схватил его за воротник, развернул к себе и со всей силы врезал кулаком по лицу. Прозвучал приглушённый хруст. Мужчина пошатнулся и рухнул на спину. Доно сел на него верхом. Лицо Нацуки исказилось от страха за секунду до того, как Доно начал наносить удары.

– Доно, хватит! – Сиба схватил его за подмышки, пытаясь оттащить от заключённого, но Доно сумел вырваться. Получив на мгновение путь к отступлению, Нацуки попытался отползти от взбесившегося мужчины, но тот притянул его обратно за лодыжки и, крепко ухватившись за его голову, размашисто стукнул ею о пол.

– Какого хрена ты тут вытворяешь? – взревел надзиратель, вмиг появившись из ниоткуда. По всему зданию пронёсся гул аварийного сигнала, четыре охранника вломились в столовую и в долю секунды скрутили Доно.

– Отпустите! Отпустите меня! – не унимался мужчина, пока ему не заткнули рот полотенцем. Доно не прекращал отбрыкиваться, и охранники стали безжалостно пинать его в спину и живот. От боли перехватило дыхание, и он прекратил все попытки к сопротивлению. Воспользовавшись затишьем, надзиратели выволокли его из столовой.

Доно отвели в комнату для допросов, разделы догола и велели облачиться в накидку, похожую на медицинский халат, и бельё с незастёгивающейся ширинкой. На талии закрепили кожаный ремень, который ограничивал свободу движения: запястье правой руки кожаными ремешками привязали к пояснице, а левой – к животу. Поскольку Доно не переставал кричать, рот ему тоже заткнули.

Два надзирателя потащили отпирającego мужчину в подвальный этаж и бросили в пустую комнатку три на три метра, стены которой были обшиты мягким, как губка, материалом, а пол укрыт линолеумом, как в старых больницах. Доно без передышки кричал, невзирая на кляп, бился головой о стены и пол, падал и вставал бессчётное множество раз, пока, наконец, не выдохся и не растянулся на полу. Только в тот момент он понял, что попал в изолятор.

Когда гнев немного поутих, Доно переполнили слабость и апатия. Он уткнулся лицом в линолеум и горько заплакал. По щекам безостановочно струились слёзы, из носа текло, но вытереть лицо не представлялось возможным – слишком крепко были зафиксированы руки. Вскоре, израсходовав оставшиеся силы на стенания, Доно провалился в глубокий сон.

Он не знал, сколько проспал. Разбудил Доно пробирающий до костей холод и критическая необходимость справить нужду. Ничего напоминающего туалет в комнате не обнаружилось, лишь небольшая дыра шириной в десять сантиметров в правом углу. В памяти Доно всплыл чей-то рассказ об изоляторе, где унитаз заменяла дырка в полу. Он подошёл к отверстию, присел на корточки, и пенис сам выскользнул из белья. Прицеливаться без помощи рук было сложно. Попытки приспособиться к нечеловеческим условиям ни к чему не привели и, не выдержав, Доно залил весь пол вокруг дыры, испачкав при этом и ступни. Затем узник свернулся клубочком, словно бездомный кот, в углу комнаты, и отчаяние с новой силой охватило мужчину. Единственным желанием было умереть. Ведь у него был план. Так почему же он не поторопился привести его в исполнение?

Думать совершенно не было желания, но в этой пустой камере единственное, что могло его занять – это собственные мысли.

Три дня Доно был заперт в изоляторе, в наручниках и с кляпом во рту. На четвёртый день его вывели на допрос и приговорили на неделю к «облегчённому одиночному заключению»: пока остальные узники работали на заводе, он вынужден был проводить дни в одиночной камере, сидя по-турецки или на коленях. Хотя наручники и кляп убрали, такое существование походило на ад: разговаривать было не с кем, делать нечего. Коротать бесконечные часы в неподвижном ожидании – вот всё, что ему оставалось. О том, что время не застыло на месте, судить можно было лишь по приёмам пищи три раза в день. У Доно постоянно кружилась голова. Стоило ему встать на ноги – он тут же спотыкался и падал на пол. Постепенно он стал чувствовать, как истощается тело, приходит в упадок работа организма. Из-за многих часов, проведённых в полной тишине, в ушах начало звенеть от напряжения. Гул усиливался с каждой минутой, не прекращаясь даже ночью.

Вечером на десятые сутки одиночного заключения – семь дней он провёл в одиночной камере и три в изоляторе – Доно позволили присоединиться к сокамерникам. Звон в голове по-прежнему не проходил. Звук человеческого голоса, который он жаждал услышать в одиночке, теперь так резал по ушам, что хотелось их просто заткнуть.

Сибя и Кумон предприняли несколько попыток заговорить с Доно, но тот отмалчивался – не было желания открывать рот, а в сердце прокрался страх: в этом месте нет ни одного существа, которому можно верить. Каждый из обитателей тюрьмы пытался управлять другими и не чурался предательства. Такими же были и надзиратели: они отправили его в изолятор без разбирательства, заковали руки в кожаные наручники и даже не позволяли очистить тело от остатков экскрементов. Доно казалось, будто это место лишило его последней крупы стыда.

На следующее утро он смог побриться – в первый раз за одиннадцать дней. Из зеркала на него взирал похожий на призрака мужчина с впалыми щеками и запавшими глазами. Его переполнило отвращение к самому себе и, не отдавая отчёта собственным действиям, он разбил зеркало голым кулаком. С оглушительным звоном оно разлетелось на мелкие осколки, а Доно всё продолжал безмолвно стоять

на одном месте. В мгновение ока Сиба выхватил у него из рук электрическую бритву и сильным ударом опрокинул его на пол.

– Что, чёрт вас дери, здесь происходит? – выкрикнул прибежавший на шум охранник.

– Прошу прощения, сэр. Я брился и случайно попал по зеркалу локтем. Мне очень жаль. Сейчас всё уберу и заплачу за порчу имущества из своей зарплаты, – затараторил извинения Сиба, сжимая в руках бритву Доно. Поверив в непреднамеренность инцидента, надзиратель, не спуская глаз с заключённого, велел ему собрать осколки, после чего унёс мусорное ведро с собой. Когда он скрылся из виду, Сиба коротко выдохнул и обернулся к Доно.

– Ты в порядке? Поранил руку, нет? – мягко спросил он.

Доно застыл, застигнутый врасплох тёплым тоном Сибы. Чуть заметно покачав головой, что больше походило на нервную дрожь, он метнулся в дальний угол камеры.

– А «спасибо» слабо сказать, а? – сердито кинул Кумон. – Чуть снова не загремел в изолятор вообще-то.

Но Доно даже не услышал его слов – все мысли поглотило нарастающее подозрение к Сибе. Зачем он взял вину на себя? Зачем помог? Может, доброй улыбкой он пытается завоевать доверие Доно, чтобы после предать? Постепенно он становился параноиком.

Последовала переключка, затем завтрак. Кое-как удерживая палочки в трясущихся руках, Доно сумел осилить половину порции, которая вскоре оказалась в унитазе. С работой на заводе справиться не получалось: руки продолжали дрожать и шить ровно никак не удавалось. Один единственный шов пришлось повторить так много раз, что ткань, не выдержав натиска иглы, порвалась.

В обеденный перерыв он столкнулся в столовой с Нацуки. Встретившись с Доно взглядом, Нацуки заметно вздрогнул и отвернулся. В изоляторе ненависть к этому человеку прожигала Доно изнутри, но сейчас вся агрессия исчезла без следа.

Вместо этого усилилось желание умереть, освободиться, наконец, от страданий. Каждая секунда, проведённая в этом месте, приносила боль. Хотелось выбраться отсюда, пусть и ногами вперёд.

Доно проглотил лишь пару кусочков за обедом, но вся пища вновь вышла наружу. В тот день им предписывалось купание, и никого не удивило, когда он потерял сознание и рухнул на пол в душе. Доно отнесли в медпункт, где он смог подремать три часа, после чего отправили напрямик в камеру, посчитав, что силы мужчины восстановлены. Доно подоспел как раз к ужину, но вновь смог съесть только половину порции.

Даже сидеть было слишком утомительно. Поскольку расстилать futony раньше времени не позволялось, Доно просто положил голову на стол. В изоляторе он безумно тосковал по книгам, а теперь, когда получил такую возможность, всё желание читать испарилось. Наконец, пробило 19:00 – время отдыха. Доно не сдвинулся с места – всё так же продолжал апатично сидеть, прислонившись к стене, и Сиба подготовил ему спальное место. Только после понукания Кумона он переоделся в пижаму и улёгся под одеяло. В голове по-прежнему звенело, мысли путались, и разум заволокло туманом.

– Он нежилец, да?

– Шшш!

Доно едва улавливал голоса вокруг, будто сквозь тяжёлую пелену. Похоже, он лишился рассудка. Сошёл с ума. Потерял себя. Минуты пролетали, Доно лежал с закрытыми глазами, но сон не приходил. Заснуть мешало всё вокруг. Ногам никак не удавалось согреться, и даже из-за такой мелочи на глазах выступали слёзы. Он перевернулся на живот, зарылся лицом в подушку и тихонько заплакал. Послышались глухие шаги и вскоре замерли по ту сторону двери. Подняв голову на звук открывающегося окна, Доно встретился взглядом с надзирателем, уставившимся на него через решётку.

– Если собираешься рыдать, в следующий раз постарайся не оказаться здесь вновь.

Если бы Доно действительно совершил страшное преступление, эти слова произвели бы на него неизгладимое впечатление. Но как он мог раскаиваться в том, чего не делал?

Неужели было ошибкой отважиться на доверие к кому-нибудь в этом гиблом месте? Неужели законы обычного мира здесь не действуют: всё неправильное становится единственно верной реальностью, а правда – ложью? Понятий «здравый смысл» и «справедливость» здесь вообще не существует?

Когда охранник удалился, Доно медленно приподнялся на локтях и сел. Посверлив отсутствующим взглядом стену, он выскользнул из-под одеяла и подошёл к мойке.

В зеркале напротив отразилась неясная тень. Доно с силой стукнулся лбом о его острый край и почувствовал, как по коже побежала теплая струйка, но боли так и не ощутил. Он повторял это самоистязание снова и снова, пока из коридора не раздался громкий шёпот:

– Что ты там делаешь? – Доно обернулся и столкнулся с сердитым взглядом надзирателя, направившего яркий луч фонаря прямо на него.

«Изолятор», – пронеслось в голове, и красочный образ того злосчастного места и кожаных наручников всплыл в сознании. – «Я больше не хочу там оставаться». Стоило этой мысли появиться, как Доно немедленно поклонился охраннику.

– Простите, сэр. Извините меня. Я собирался в уборную, но поскользнулся... и упал. Простите, что наделал шуму. Этого больше не повторится. Прошу, простите меня.

Надзиратель с подозрением нахмурил брови и поднял луч фонаря на лицо Доно.

– Что с твоим лбом?

– Это... Я поскользнулся и ударился об угол.

Видимо, охранник посчитал утомительным вдаваться в дальнейшие расспросы.

– Будь осторожнее, – бросил он и продолжил обход. Из-за шума проснулись Сиба и Китагава, которые теперь не спускали с Доно глаз.

– Простите, что разбудил, – Доно неуклюже склонил голову в поклоне и вернулся на место. Неотрывно глядя в потолок, он не мог остановить слёзы, что тонкими ручейками скатывались из уголков глаз по вискам. Нельзя было допустить, чтобы охранник услышал его всхлипы – очередной выговор отнимет у него баллы. Ещё десять баллов – и сокамерники потеряют право на просмотр телевизора. Все тумачи полетят на него. Из-за реальной угрозы лишиться сокамерников этой радости Доно почувствовал давящую тоску и безысходность. Борясь с рвущимися из горла вздохами, он судорожно, до боли сжал зубы.

Само его существование, все тридцать лет более или менее достойной жизни казались иллюзией. Вскоре Доно стал задаваться самоуничижительным вопросом: может, он действительно отброс общества?.. Кто угодно... Пусть кто угодно спасёт его. Он так хотел, чтобы кто-нибудь забрал его из этого места. Так важно было услышать сейчас, что с ним всё в порядке, что он достойный человек. Слёзы затекали в уши, а сердце беспрестанно кричало: «помоги мне, помоги мне, помоги мне...»

Послышались тихие, далёкие шаги. Как бы неслышно ни ступал человек, этот звук отчётливо раздавался в ночной тишине. Наверное, недавнее происшествие никак не шло у надзирателя из головы: он осветил каждый угол их камеры, прежде чем продолжить путь. Выждав достаточно продолжительное время и решив, что охранник успел уйти далеко, Доно открыл глаза, чтобы посмотреть на дверное окошко. В ту же секунду он с испугом столкнулся взглядом с Китагавой, неотрывно следящим за ним с соседнего футона.

Доно охватило неловкое чувство от осознания того, что тот видел его истерику. Мужчина повернулся лицом к потолку и закрыл глаза, но слёзы не переставали струиться по щекам. Внезапно к горлу поднялся ком, и, чувствуя, что не сможет сдержать всхлипов, Доно с силой прикусил запястье. Ещё чуть-чуть и, забыв о времени и месте, он выпустил бы на волю нечеловеческие крики, что раздирали его сердце. Когда буря эмоций улеглась, он опустил запястье и уставился в потолок. Губы не желали смыкаться, и зубы начали стучать, будто от холода.

«Помоги мне, помоги мне, помоги мне, помоги мне, помоги мне, помоги мне, помоги мне...»

Доно осознал, что взывает о помощи вслух, лишь когда задрожали губы. Мольба вмиг сменилась проклятиями. Доно удивлённо распахнул глаза, когда на голову осторожно легла чужая ладонь. Он ощутил, как медленно и аккуратно она скользит по волосам, поглаживая, будто пытаясь успокоить испуганного ребёнка. Снова и снова, не останавливаясь ни на секунду. Без сомнения, теплая ладонь принадлежала человеку с соседнего футона. Доно натянул одеяло до самых глаз. Конечно, если надзиратель застанет его спящим с закрытым лицом, выговора не избежать. Он прекрасно знал это, но не мог набраться храбрости показать заплаканное лицо соседу.

Горькие слёзы бесконечным потоком струились по щекам ещё сильнее, ещё отчаяннее, и Доно не мог понять почему...

Наступило утро. Открыв глаза, Доно не смог вспомнить момент, когда ему удалось заснуть.

– Угх, чё с твоим лобешником? – спросил Какизаки, по обыкновению растягивая слова. Доно ограничился лишь кратким ответом: поскользнулся ночью и упал.

Китагава ничем не выдавал своих мыслей и чувств: хоть он и утешал Доно прошлой ночью, благодарности в ответ не требовал. А Доно был невероятно ему признателен: обычно слёзы отнимали у него все силы, но этим утром на душе было так легко, будто тиски, что так долго сжимали сердце наконец разбились. И самое удивительное – настроение улучшилось, несмотря на отсутствие изменений в окружающей обстановке.

Прибавились и физические силы: Доно был так голоден, что вмиг опустошил свою тарелку за завтраком. Работа на заводе тоже шла как никогда замечательно – стежки были одинаковыми, швы ровными, и к обеду Доно рассчитывал полностью выполнить утреннюю норму.

«Наверное, нужно хотя бы поблагодарить», – размышлял он за машинкой. Пусть Китагава продолжал хранить молчание, всё же его теплая ладонь принесла Доно успокоение. «Да, но...» – прошептало внутреннее «я», – «...может, в этом и заключался план Китагавы?» Вполне вероятно, что он проявил немного симпатии лишь затем, чтобы Доно почувствовал себя обязанным? Стоит Доно пойти на унижение и поблагодарить заключённого, как Китагава затребует непомерную компенсацию? В этом прогнившем месте доброта не всегда равнозначна доброжелательности. За милой улыбкой не обязательно скрывается доброе сердце. Предательство Мицухаши многому научило Доно.

С одной стороны, он опасался снова попасться в сети негодяя, но с другой, Доно так устал вечно во всём сомневаться. Что если Китагава помог ему по доброте душевной, из сострадания? Доно хотелось искренне поблагодарить сокамерника, он чувствовал – Китагава этого заслуживает, но страх быть обманутым не желал покидать его сердце.

Доно всё размышлял над тем, как же поступить, когда подошло время обеда. В кафетерии рабочие группы периодически менялись местами, но Доно по-прежнему сидел рядом с Китагавой. Сегодня подавали оякодон⁴ с бобовыми ростками, приправленными кунжутом, и две сисямо⁵ на порцию. Некоторые узники проглотили обед за пять минут, но Доно тщательно прожевывал каждый кусочек. Краем глаза он следил за действиями соседа, продолжая мучиться вопросом: стоит его благодарить или нет? Китагава всегда подчистую и быстро опустошал тарелку, но сегодня палочки мужчины зависли над рыбой на мгновение дольше обычного. Помедлив, будто в нерешительности, он всё же резко подхватил ими сразу обе рыбины и отправил пряником в рот. Сморщившись так сильно, что между бровей пролегли морщинки, он зажмурился и принялся тщательно разжевывать пищу. Доно удивился – почему Китагава просто не оставил рыбу на тарелке, раз так явно её ненавидит? Ведь им разрешалось не доедать всю порцию. Но в то же время смешно было наблюдать забавные гримасы соседа.

⁴ Японский омлет с рисом, курицей и луком.

⁵ Маленькая (10-15 см) розовато-серебристая рыба.

По завершении обеда Китагава занял себя просмотром телевизора, что висел на стене. Читать или разговаривать ему, очевидно, не хотелось. Как всегда, впрочем: даже в кругу болтающих сокамерников он обычно не произносил ни слова. Кумон, Сиба и Какизаки, наоборот, активно обсуждали что-то с другими заключёнными.

Программа, что транслировалась по телевизору, явно была предназначена для домохозяек средних лет и пожилого возраста: часто слышались такие слова, как «здоровье» и «холестерин».

– Эм...

Китагава резко обернулся. Его безэмоциональное лицо в тот момент казалось раздражённым, что вмиг насторожило Доно.

– Спасибо... за прошлую ночь.

Правая бровь мужчины удивлённо дёрнулась, подбородок чуть скользнул вверх.

– Мне стало немного лучше, так что...

– Угу, – бросил Китагава, будто его совершенно не заботило, что там лопочет Доно, и вновь уставился на экран. Доно, конечно, и не ожидал ничего особенного, но думал, что удостоится хотя бы вежливого «не за что». Казалось, этот отчуждённый и равнодушный человек уж точно не мог так бережно гладить его по голове прошлой ночью. Теперь Доно ещё больше озадачился вопросом – зачем этот мужчина решил ему помочь? Его намерения нельзя было прочесть ни по одной черточке лица.

– Читать не будешь? – внезапно снова повернулся к нему Китагава. Доно решил, что сосед полностью поглощён просмотром программы, и немного испугался неожиданного вопроса. Кое-как справившись с заплетающимся языком, он ответил:

– М? Читать?

– Ты всегда читаешь после еды.

– А, точно. Может, в другой раз.

– Угу, – и Китагава вновь направил всё своё внимание на телевизор. Необычайно трудно было привыкнуть к странной обрывистой манере соседа вести разговор, и когда Доно задумался над этим, мужчина снова заговорил.

– Почему ты сказал мне «спасибо»? – внезапно вернулся Китагава к диалогу, который – как предполагал Доно – давно уже завершился. Доно сцепил ладони вместе, пытаясь побороть неловкость из-за необходимости объяснять свои мотивы.

– Просто мне показалось, что я должен.

– Угу, – промычал сосед и в который раз уткнулся взглядом в экран. «Какой странный парень», – подумал Доно. Вскоре время обеденного перерыва подошло к концу. Когда окончилась переключка и они вернулись к работе, Доно сумел вынести для себя некоторые заключения. Да, Китагава был своеобразной личностью, но этого стоило ожидать. В конце концов, он бы никого не убил, будь он нормальным здравомыслящим человеком. Почувствовав странное облегчение, Доно с головой ушёл в работу.

Недоразумение случилось за ужином. Для них приготовили жареную курицу, китайский овощной суп, кимчи и по яблоку на каждого. Впервые с момента заключения Доно довелось отведать жареной курицы. Она была великолепна!

Даже Кумон, вечно недовольный местной едой, удовлетворённо жевал свой ужин.

– Недурно, – просиял он.

Доно, как и остальные, сразу же накинулся на два кусочка курицы, не уделив особого внимания остальной части ужина. Это странное ощущение – есть и осознавать, что пища вкусная – удивительным образом заставляло почувствовать себя живым.

– Вкусная курица? – раздалось под боком. Доно взглянул на Китагаву, обнаружив на его тарелке лишь один кусок птицы. «Ты же уже съел один», – подумал он, но всё же ответил.

– Ага, вкусная.

Тогда Китагава подцепил палочками свой кусочек и шлёпнул его в тарелку соседа. Доно побледнел от ужаса, быстро оглянулся и, убедившись, что надзиратель не смотрит в их сторону, бросил курицу обратно хозяину.

В тюрьме категорически запрещалось делиться едой – даже по взаимной договорённости, чтобы более сильные заключённые не принялись отбирать пищу у

слабых. Попавшись на подобном нарушении, узники зарабатывали предупреждение, а иногда и хуже – штраф или официальный выговор.

Одно нарушение, за которым следует наказание – и возможность условного освобождения оттягивалась на полгода. Поскольку у Доно был короткий срок, заключение в изолятор полностью лишило его этого права, и теперь ему предстояло отбывать наказание до самого последнего дня. Штрафы и выговоры не могли повлиять на длительность всего срока, но Доно хотел провести эти несколько месяцев в спокойствии и по возможности избежать внимания главного надзирателя.

Китагава взглянул сначала на Доно, потом на курицу и быстрым движением закинул её в рот. Больше он не проронил ни слова. Может, этот человек пытался накликать на него неприятности? В сердце Доно вновь зашевелились подозрения. Пусть Китагава и совершил пару добрых поступков, это не значит, что ему можно полностью доверять. В конце концов, он ведь попал сюда за какое-то преступление. Рядом с ним забывать об осторожности было непростительной роскошью.

Доно закончил с ужином и, шурша страницами, открыл недавно поступивший еженедельный журнал. Он и забыл, что заказывал его ещё в начале месяца. Звон в ушах, похожий на жужжание насекомых, постепенно стихал, и Доно, наконец, мог сосредоточиться на чтении.

Внезапно почувствовав озноб, мужчина вздрогнул и дважды чихнул. В изоляторе было холодно, и в последнее время он то и дело чихал. Хотелось укутаться по самые уши в одеяло, но Доно прекрасно знал, что может получить за это выговор.

Он пролистал журнал, надеясь найти интересный сюжет, чтобы отвлечься от холода, и наткнулся на кроссворд. Доно подхватил с полки карандаш и только собрался приступить к игре, как чья-то рука с размаху захлопнула журнал. Это оказался Китагава. Ощувив приступ раздражения, но решив, что пререкания ни к чему хорошему не приведут, Доно снова открыл страницу с кроссвордом. Рука во второй раз закрыла журнал и так и осталась лежать поверх обложки, будто бы предвидя новую попытку Доно открыть его. В первый раз Доно почувствовал лишь раздражение, теперь же начал медленно закипать.

– Пожалуйста, не выводи меня из себя, – негромко проговорил он, с трудом сдерживая гнев. Рука Китагавы не двинулась с места. Когда он с силой попытался её оттолкнуть, сосед лишь сильнее прижал руку к журналу. Оба в свирепом молчании уставились друг на друга.

– Всё-всё, завязывайте, – вмешался Сибэ, который, очевидно, следил за их красноречивым обменом взглядами. – Китагава, – упрекнул он, – Доно не поймёт тебя, если ты будешь молчать.

А затем повернулся к Доно.

– Понимаешь, – начал объяснять он, – нам запрещено отгадывать кроссворды. Если тебя поймают, жди наказания.

Доно вздрогнул при слове «наказание».

– Бог его знает почему, – добавил Сибэ, – но думаю, в прошлом кто-то использовал кроссворды в качестве кода, чтобы общаться с людьми по ту сторону баркаса⁶.

Доно никак не ожидал, что такая невинная забава может повлечь за собой серьёзные последствия. В конечном итоге ему не настолько отчаянно хотелось поиграть в слова, чтобы идти на необоснованный риск, поэтому он сам на этот раз захлопнул журнал и смущённо уставился в пол. Мужчина не мог заставить себя посмотреть на Китагаву, который по доброте своей всё это время пытался его предостеречь. Но как Доно мог понять его послание, если тот не проронил ни слова? Он почувствовал мимолётную вспышку ярости из-за нежелания сокамерника облекать мысли в слова, но тут же устыдился своего эгоизма: если бы Китагава вообще ничего не предпринял, Доно бы непременно наказали.

Он поднял глаза и встретил явно чего-то выжидающий взгляд соседа.

– Извини, я неправильно тебя понял. Спасибо, что предупредил.

Китагава прищурил глаза и мягко ответил:

– Угу.

Доно показалось, что мужчина смеётся над ним, и он тут же пожалел о своём извинении.

⁶ Забор тюрьмы.

Когда пришло время отбоя, он забрался под одеяло, но ноги не могли согреться даже под ним, сколько бы Доно их не тёр друг о друга. Он заснул, так и не почувствовав себя в тепле, и проснулся наутро с насморком, чему ни капли не удивился.

По счастливой случайности в тот день был назначен осмотр врача, который проходил раз в неделю. Встретив утром смотрителя, Доно попросил у него лекарства от простуды, но поскольку температура тела заключённого не превышала 37 градусов, ему всего-навсего запретили купаться и отправили восвояси без таблеток. Доно часто страдал от простудных заболеваний и теперь опасался худшего. К несчастью, его предчувствие оправдалось.

К полудню заныли суставы, и поднялась температура. По всему телу разлилась свинцовая тяжесть и вялость. Аппетит пропал. Доно заставил себя проглотить обед, чтобы окончательно не обессилеть, но вскоре его вырвало.

По голове будто колотили молотком, из носа постоянно текло. Не в силах больше терпеть, он позвонил на вахту охраны, и через несколько минут в окошке появилось лицо надзирателя.

– Что такое? – спросил он.

– Номер 145, Доно, сэр, – поклонился Доно. – У меня головная боль и насморк. Можно ли попросить какое-нибудь лекарство, сэр?

Охранник посмотрел на него в упор.

– Ты не обращался сегодня к врачу, что ли?

– Меня осмотрели, сэр, запретили принимать ванну, но не дали лекарств.

– Если врач сказал, что запрета на принятие ванны будет достаточно, значит, тебе этого хватит. Твоя простуда – следствие нарушения дисциплины.

«Не вызывай меня по таким пустякам», – казалось, говорил его высокомерный тон. Доно застыл на месте, не в состоянии вымолвить ни слова. Когда надзиратель ушёл, за спиной послышался тихий голос Сибы:

– Тебе не достать лекарств. Они дадут их, только если ситуация окажется критической, и положат в лазарет, лишь когда ты будешь при смерти. Тебе придётся подождать до следующего осмотра.

Доно в отчаянии опустился на пол. Выбора не оставалось – нужно было терпеть. Он был болен, но получил отказ в оказании помощи. Условия содержания заключённых в японских тюрьмах вызвали нарастающее негодование. А что если один из подопечных умрёт из-за халатности работников?

По спине побежали мурашки. Ну, умрёт он – и что? Мертвецов зато не надо кормить. «Заключённый номер 145 подхватил простуду. К несчастью, его состояние ухудшилось, что привело к смертельному исходу. Точка».

Доно с нетерпением ждал 19:00, чтобы забраться под одеяло. Тело не переставало дрожать, насморк только усиливался. Раз в неделю им давали определённое количество бумажных салфеток, Доно не мог позволить себе израсходовать их все разом и брал новую, только когда предыдущая становилась насквозь мокрой. Когда салфетки кончились, пришлось воспользоваться полотенцем, но и оно вскоре стало липким и влажным. Доно оказался в жалкой ситуации – приходилось вытирать сопли своими же соплями. После отбоя его хлюпанье носом начало разноситься по всей камере. Он точно знал – ночной охранник всё прекрасно слышал, но предпочитал отмалчиваться.

Когда мягкая поступь затихла вдали, Доно почувствовал лёгкое прикосновение чего-то невесомого к лицу и с удивлением признал в предмете бумажную салфетку. Чужую, так как свои он уже истратил. Доно открыл глаза и, будто через туманную пелену, столкнулся с пристальным взглядом Китагавы.

Обмен личными предметами – даже такими пустячными, как салфетки – также был под запретом и карался наказанием. Недельный запас салфеток заключённого был невелик, и если он раздавал их направо и налево, то мог в итоге оказаться в неприятнейшей ситуации – лишиться возможности подтереться в туалете. Подумав об этом, Доно виновато осознал, что отбирает у Китагавы драгоценную бумагу.

Китагава медленно встал, подхватил измазанное выделениями полотенце. Доно и принялся споласкивать его в мойке, пустив воду тонкой струйкой. Заключённым полагалось мыть полотенца лишь дважды в неделю, стирать их посреди ночи без разрешения абсолютно противоречило правилам. Доно было

воспротивился, но Китагава не обратил на его возражения никакого внимания и продолжил возиться с полотенцем. Закончив, он положил его на лоб Доно. Прохладная влажная ткань приносила успокоение и расслабление больной голове.

– Спасибо, – выдохнул Доно, высморкавшись в салфетку, которую дал ему Китагава. – Мне очень жаль, что я использую твою. Правда...

До слуха Доно долетели тихие шаги. Китагава взял мокрое полотенце со лба мужчины и спрятал его под своей униформой возле подушки. Когда шаги затихли, он снова накрыл полотенцем лоб больного.

– Послушай, тебе не обязательно делать всё это, – прошептал Доно. – Если охранник увидит, отправит тебя в изолятор. Поэтому, правда, не надо...

Доно ещё дважды попытался отговорить сокамерника от компрометирующих действий, заверяя его, что в порядке, но Китагава не поддавался уговорам. В итоге Доно заснул, продолжая громко шмыгать носом.

Утром Доно по-прежнему мучил насморк, к которому прибавилось головокружение. За завтраком он выпил порцию мисо-супа, оставив остальную еду нетронутой. Поскольку работа была сидячей, большого напряжения не требовалось. Но в помещении было холодно и он сильно дрожал даже под трикотажными рубашкой и штанами, что надел под униформу. Застрачивая женские пальто из мягкой и толстой шерстяной ткани, Доно с тоской представлял, как, должно быть, здорово закутаться в одно из них с головой и заснуть.

На обед приготовили рис с карри, но аппетита не было. Пришёл он только с подачей яблочного салата в сливочном соусе – единственное, что Доно удалось прожевать. Когда он готов был уже отложить ложку, оставив карри нетронутым, рука соседа быстро поменяла местами их тарелки, и теперь перед ним вновь стояло полное блюдо яблочного салата. Китагава заметил, что Доно в состоянии съесть только его, и отдал больному свою порцию. Охранник ничего не видел, и Доно шепнул заплетающимся языком:

– С-спасибо.

Он без жалоб принялся за поглощение салата, не переставая поражаться – почему Китагава был так к нему добр? Сегодня, прошлой и позапрошлой ночью?

Возможно, и жареная курица, в которой Доно углядел попытку втянуть его в неприятности, тоже была актом доброты.

По окончании обеда Доно нетвёрдой походкой направился к раковинам, чтобы поставить туда грязную посуду. Вернувшись обратно, он хотел было присесть, но Китагава схватил его за руку и повёл к книжным полкам в дальнем углу столовой, после чего резко дёрнул вниз, вынуждая присесть на корточки.

– Интересная книга? – Китагава показал ему фотоальбом под названием «Храмы Японии». Доно хотелось присесть и отдохнуть, но он не мог проигнорировать человека, с такой заботой присматривавшего за ним последние несколько дней.

– Я не читал её, – ответил Доно, находясь всё в том же неудобном положении. Китагава приблизил кулак к лицу Доно и раскрыл ладонь прямо перед его глазами. На ней лежали три белые таблетки. Сокамерник наклонил голову Доно назад и поднёс ладонь к его губам. Не успевая следить за ходом событий, Доно послушно проглотил таблетки. Спрашивать название лекарства у него не повернулся язык, да и место было неподходящее, но после обеда насморк, несомненно, пошёл на убыль.

После долгого дня они вернулись в камеру. Превозмогая себя, Доно сумел съесть половину ужина. Не в силах даже взяться за чтение, он положил голову на стол, когда Китагава вновь дёрнул его за руку, отвёл к книжным полкам и незаметно передал ещё три таблетки. Когда Доно их проглотил, сосед как ни в чём не бывало вернулся за стол, сел по-турецки на подушку и принялся слушать разговор Сибы и Кумона.

Ночью жар вернулся. Благодаря таблеткам насморк мучил меньше, но сильно разболелась голова. После отбоя Китагава рассчитал время обхода ночного надзирателя, и когда тот был далеко от их камеры, намочил полотенце и приложил его ко лбу Доно. Насморк всё же не прошел полностью и вскоре возобновился с новой силой. Все салфетки Китагавы тоже были использованы, и Доно старался изо всех сил смириться с отсутствием возможности высморкаться. И тут Китагава вытянул руку и сжал нос Доно.

Мужчина изумился, когда сокамерник помог ему высморкаться в свою ладонь. При первой возможности Китагава выскользнул из-под одеяла и помыл руку, а когда больной вновь начал шмыгать носом, повторил заново всю процедуру. Доно был уверен – даже любимый человек или родители заартачатся, если попросить их о такой услуге. Он сам бы отказался. А ведь Китагава не был ему ни родственником, ни любовником. Их отношения даже близкими не назовешь. Тогда почему он так заботлив? Доно глубоко тронуло сострадание Китагавы.

– Прости меня, – прошептал он. – И спасибо.

– Угу, – промычал в ответ Китагава и продолжил ухаживать за больным без лишних слов. «Не существует человека, который мог бы подделать подобную заботу. Может быть, Китагава действительно добрый по своей природе», – думал Доно. Даже если в итоге окажется, что за этим вниманием стоит холодный расчёт, Доно верил, что хотя бы в эти минуты добросердечность Китагавы неподдельна.

Благодаря таблеткам, что Доно выпил утром, днём и вечером, самая опасная стадия простуды осталась позади, и понемногу организм начал восстанавливаться. К тому времени, как подоспел следующий осмотр, его состояние настолько улучшилось, что в лекарствах уже не было нужды. Доно не знал, как выразить свою бесконечную признательность Китагаве. Простых слов было недостаточно.

Китагава был молчаливым человеком, и те редкие фразы, что удавалось из него вытянуть, зачастую оказывались слишком резкими. Сам он заводил разговор с Доно считанные разы, но мужчина стал осознавать, что Китагава, возможно, чувствует к нему симпатию. Например, если за обедом им вдруг подавали особенно вкусные блюда, Китагава никогда не забывал поделиться своей порцией с Доно. Доно не просил – сосед просто подкладывал ему в тарелку немного лакомства, пока никто не видел. Поначалу он думал, что, возможно, Китагава поступает так со всеми, но оказалось, что он был единственным исключением. Мужчина был невероятно щедрым и добрым, но никогда ничего не просил взамен. Доно становилось тепло на душе от мысли, что рядом есть добросердечный человек, который поможет ему в

болезни или беде. Сердце наполнило спокойствие, не в пример тому времени, когда он не мог доверять ни одному человеческому существу.

Стоял промозглый декабрьский день. Заключённых выпустили на последнюю в этом году прогулку на воздухе. Затяжная простуда Доно только недавно прошла, и ему не хотелось выходить на мороз. Но чтобы избежать упражнений под открытым небом, пришлось бы оформлять официальную просьбу главному надзирателю и проходить медицинский осмотр – слишком уж муторное дело.

1-ая и 4-ая Группы затеяли игру в софтбол. Группа Доно на этот раз не участвовала в игре. Доно выбрал себе солнечный и менее ветреный уголок, немного размял мышцы и уселся на землю, прислонившись к забору.

Голубое небо казалось бесконечно высоким. Дул морозный ветерок. Недавно Доно последовал примеру сокамерников и нарисовал в блокноте календарь. Каждый прошедший день он обводил в квадрат. Поначалу, следя, как они ежедневно вычёркивают дни из импровизированного календаря, Доно считал, что это занятие слишком скучное, но сейчас, переняв их привычку, он проникся их чувствами. Дни пролетали один за другим, и приближающаяся свобода становилась всё реальнее с каждым днём. Благодаря календарю, что напоминал о близком конце его мучений, в душе зарождались новые силы продолжать борьбу.

Китагава не спеша шёл в его сторону. «Неужели он направляется ко мне?» – подумал Доно. Действительно, к нему. Он зашёл с того боку, откуда дул ветер – случайно или же намеренно, Доно так и не понял – и тихонько пристроился рядом.

Китагава подошёл по своей воле, но начинать разговор первым не пытался, а просто безучастно наблюдал за игрой, будто смотрел телевизор в столовой.

– Жаль, что сегодня не наша очередь играть, да?

Сокамерник повернулся к Доно.

– Не особо, – ответил он отрывисто.

– Мне всегда казалось, что тебе нравится играть. Я не силен в играх с мячом, поэтому завидую тебе.

– Софтбол не так уж интересен. Меня просят участвовать, потому что я молод, вот я и играю.

Доно растерялся от коротких и не особо содержательных ответов. Он правда считал, что Китагава любит эту игру.

– Если тебе не нравится, почему не скажешь прямо? Думаю, ты не должен себя заставлять.

Китагава вновь взглянул на Доно.

– Проще просто сделать то, о чём просят.

Да, возможно, подчиняясь другим без возражений, здесь было проще вести спокойную жизнь.

– Но разве ты не испытываешь стресс, когда делаешь что-либо против своей воли?

– Стресс? – спросил Китагава с серьёзным видом. Доно растерялся.

– Ну, знаешь, когда события развиваются не по плану или когда столько всего плохого случается, что ты теряешь покой.

Китагава задумчиво откинул назад голову.

– Ты не понимаешь, о чём я? – удивился Доно, вдруг задавшись вопросом о том, сколько же классов закончил Китагава. Даже младшеклассники в наши дни знают, что такое «стресс».

– За меня уже всё решили – каждое действие с утра и до вечера. Меня сытно кормят три раза в день. Если я осторожен, то нет и неприятностей. Мне ни о чём не надо думать.

Казалось, подобными речами Китагава пытался оправдать местный образ жизни. «Минуточку», – мысленно и с сомнением произнёс Доно.

– Неужели тебя не достала эта ограниченная жизнь с кучей строгих правил? Ты ведь будешь свободен, когда выберешься отсюда. Больше никаких приказов. Будешь вправе делать всё, что пожелаешь, и ни один человек не посмеет унижить тебя!

– Угу, – тихо ответил Китагава в своём фирменном стиле. – Все говорят, что хотят выбраться отсюда. Не понимаю, что им здесь так не нравится?

«Я же только что распинался о том, что людям претит лишение свободы», – подумал Доно. Очевидно, Китагавы совершенно его не понял.

– Эй, – кинул Китагава взгляд на Доно, не поднимая головы с колен. – Скажи «спасибо».

Доно не переставал изумляться необычному ходу мыслей этого человека. Да и кроме того, слова благодарности не принято вытягивать из людей насильно. Но припомнив всю заботу и доброту Китагавы, он всё-таки произнёс:

– Спасибо.

– Знаешь, у тебя столько разных «спасибо», – поделился Китагава. – Когда ты плачешь или смеёшься, или волнуешься – всегда разные, – он немного поковырял промёрзлую землю каблуком ботинка. – Нормальные люди все так часто говорят «спасибо»?

– Нормальные люди?

– Сиба сказал, что ты нормальный парень. Но мне никто раньше не говорил столько «спасибо».

«Сколько Китагаве?» – подумал Доно. Если память ему не изменяла – 28, зрелый возраст. И тем не менее, он разговаривал, как маленький ребёнок. Доно даже не знал, что на это ответить.

– Мне нравятся твои «спасибо», – продолжил Китагава. – Хочу услышать их ещё. Можно? Обещаю, я сделаю ещё больше, чтобы ты был счастлив.

Это было похоже на полный абсурд.

– Так нельзя, – нахмурился Доно. – Не нужно проявлять доброту и заботу, чтобы взамен получить лишь слова.

– Мне не нужны чувства. Просто говори «спасибо», и мне этого хватит. Я ведь кладу деньги в торговый автомат, чтобы получить что-нибудь, правильно?

Доно не мог скрыть изумления. То есть Китагава расценивал свои добрые поступки по отношению к нему, как нечто вроде валюты? Магия заботы вмиг исчезла. Теперь Доно казалось, что внимание Китагавы – ни что иное, как привычка. Доно был потрясён мыслью о том, что действия Китагавы на самом деле не основывались ни на какой симпатии.

Сокамерник посмотрел на небо и глубоко вздохнул.

– К концу месяца мне доставят салфетки. Я купил их много-много на свою зарплату. И все отдам тебе. Так что не забудь про «спасибо».

Перевод: Baka-ssi

Коррект: Yaranaika

Оформление и QC: Иллюзия

<http://illusionteam.net/>

Доно не переставал задаваться вопросом: что же за человек этот Китагава? Совершенно очевидно: он немного отстал в развитии, но что удивительно – Доно даже не думал прерывать с ним общение.

Китагава казался ему таким невинным: проведя столько ночей в заботах о больном человеке, он не требовал взамен ничего и лишь с надеждой ждал крохотного «спасибо». Наверное, когда дети хотят совершить добрый поступок, ими руководит естественное желание услышать похвалу или подарить человеку счастливое мгновение, поэтому Доно решил считать, что Китагава мыслит как ребёнок. Возможно, так понимать его станет легче. Проблема лишь в том, что этому взрослому ребёнку было уже 28 лет.

Если Китагаве нравится получать слова благодарности, должно быть, глубоко в душе он хороший человек. Пусть мужчина и убил кого-то, раскаявшись, он, несомненно, сможет начать жизнь с чистого листа. Доно хотел помочь Китагаве осознать, что человеческие чувства – это не рефлекс, что они могут приносить тепло и нежность.

Во время обеденного перерыва на следующий день, когда вся посуда была уже в раковинах, Доно, полистав пару книг, уселся рядом с Китагавой.

– Интересно?

– Не очень, – уныло ответил сокамерник, апатично глядя на экран телевизора.

– Давай поболтаем.

Китагава задумчиво склонил набок голову.

– Помнишь, ты вчера говорил, что хочешь слышать больше моих «спасибо»? Так вот, я не собираюсь повторять это слово автоматически, как робот. Я хочу с тобой подружиться.

– Нет, – отрезал Китагава, не задумавшись ни на секунду.

– П-почему нет? – запнулся Доно.

– Дружить плохо.

– Но если мы будем друзьями, сможем положить конец этим отношениям, основанным только на выгоде, и установим более прочную связь.

– Какую, например?

Доно замешкался на мгновение.

– Может, если ты попадёшь в беду, я смогу тебя выручить.

Плечи Китагавы мелко задрожали, будто он тихонько засмеялся.

– Как *ты* можешь помочь *мне*? Ты ничего не знаешь. У тебя ничего нет. Ты слаб. Тебе даже пришлось просить помощи у такого, как я.

Вероятно, так оно и есть, но услышать всё это в лицо было очень неприятно.

– Ты всегда говоришь какие-то странности, – продолжил Китагава. – Это и есть «нормально»? – пожал он плечами. – Быть нормальным слишком странно, нет?

За ужином Китагава подкинул Доно в тарелку половину мандарина – их сегодняшний десерт, не забыв предусмотрительно переложить в свою немного кожуры из посуды соседа, чтобы скрыть свидетельства своего проступка.

Если сокамерники и замечали, что Китагава стал делиться едой с Доно, то предпочли это не комментировать. Некоторые обитатели тюрьмы доносили на своих товарищей надзирателям, и Доно был несказанно рад удаче соседствовать с порядочными в этом плане людьми.

После ужина они убрали со стола и заняли себя чтением и разговорами, чтобы скоротать время до 19 часов. Погружённый в книгу, Доно отчётливо чувствовал на себе пристальный взгляд Китагавы. Он знал, что мужчина ждёт от него благодарности за мандарин, но продолжал упрямо молчать.

Когда Какизаки начал трещать о том, что имеет доступ к дешёвым наркотикам, Кумон наострил уши и стал сосредоточенно ему внимать, а Сиба

иногда поддакивать. Китагава тоже уставился на младшего сокамерника, но его глаза не выражали никакой заинтересованности, как и за просмотром телевизора.

Казалось, его совершенно не волновали наркотики. Может, он притворялся, что внимательно слушает, чтобы не отбиваться от группы? Доно не понимал его мотивов. Он оторвался от журнала и обратился к соседу:

– Китагава.

Мужчина лениво обернулся.

– Давай читаем вместе?

Китагава коротко глянул на Какизаки, но всё-таки перегнулся через стол и заглянул в журнал Доно. Однако в журнале не было ничего стоящего, чтобы предложить Китагаве. Просто Доно хотелось отвлечь сокамерника от разговора про наркотики.

Он небрежно указал пальцем на страницу с фотографией под заголовком «Особенности горячих источников», за которой следовала статья о двадцати лучших в стране курортах с горячими источниками.

– Хочешь побывать на горячем источнике? – спросил Доно. – В местных ваннах особо не попаришься и не расслабишься. Горячий источник под открытым небом – замечательная штука. Можно одновременно купаться и любоваться пейзажем.

– Угу, – пробухтел Китагава. – Горячий источник – это же большая ванна? Зачем ехать так далеко? Можно просто пойти в общественную баню.

Отсутствие воображения у Китагавы заставило Доно усомниться в том, что ему получится донести до соседа свою мысль.

– Да, но... я думаю, здорово отправиться далеко-далеко – хотя можно найти источники и поблизости – и просто насладиться всеми прелестями путешествия, потратить время и силы на планирование поездки и осмотр местных достопримечательностей.

– Не понимаю.

Как объяснить мужчине то, чего тот в принципе понять не мог? Доно решил сменить тему и перелистнул страницу. В следующей статье было интервью с автором

бестселлера. Взгляд привлёк старый дом на заднем плане фотографии с писателем – совершенно обычный, в окружении таких же жилых помещений, которые в большом количестве понастроили в период экономического роста. Он был практически копией дома, в котором вырос Доно.

– Ты его знаешь?

Доно криво усмехнулся.

– Я смотрел не на человека, а на дом.

– Дом?

– Он очень похож на мой.

– Угу, – промычал Китагава, сосредоточенно разглядывая фотографию. Дом Доно был старым и маленьким, но мужчина прожил там много счастливых лет со своей семьёй. При мысли о том, что к моменту освобождения Доно там будут жить другие люди, и что родителям приходится продавать жилище по вине сына, он почувствовал, будто сердце сжали в кулак.

– А как там внутри?

– Внутри?

– Внутри дома?

– Ну, всё как обычно.

– Обычно, это как?

На словах трудно было объяснять, и Доно достал блокнот. На первой странице находился календарь, поэтому он вырвал лист с другого конца и нарисовал простой план интерьера первого этажа.

Китагаву, которого раньше, казалось, мало что интересовало, захватил рисунок Доно.

– Что это?

– Вход. Переступив порог, ты увидишь коридор, а справа лестницу на второй этаж. Спальня сестры и моя на втором этаже. Внизу ещё три комнаты: гостиная, спальня родителей и комната для гостей.

Китагава стал выпрашивать каждую деталь: где находятся окна, например, и большая ли там ванная комната. Доно без конца стирал и подправлял чертёж, пока, наконец, перед глазами не предстал идеально точный план родительского дома.

– Во дворе растут деревья? А собака у вас есть? – не унимался Китагава. В итоге Доно нарисовал во дворе индийскую сирень и клумбу – любимое хобби матери.

Китагава внимательно разглядывал план этажа в доме Доно, сначала вытянув рисунок перед собой, а затем положив его на стол. Коснувшись пальцем бумаги, он провёл им целую экскурсию: вошёл через главные ворота, переступил через порог дома, направился в гостиную, а затем вдруг стал чертить пальцем круги.

– Что ты делаешь? – спросил Доно.

– Бегаю, потому что он выглядит таким большим, – ответил Китагава, будто ребёнок, у которого разыгралось воображение.

– А какой был дом у тебя? – живо поинтересовался Доно. Китагава чуть качнул головой.

– Маленький, наверно.

– Нарисуй мне, – Доно передал ему карандаш, и мужчина нарисовал небольшой квадрат.

– И всё?

– Ага.

– Должно быть, там тесно.

– Я думаю, он размером в два татами⁷.

– Но здесь нет ни входа, ни туалета с ванной.

– Вот вход. Туалета и ванной у меня не было.

– Что?! – не веря своим ушам, воскликнул Доно.

– Вместо туалета был горшок. Ещё было одеяло. Летом было жарко и плохо пахло, а зимой было холодно.

– Ты жил один?

⁷ Площадь одного татами — 90×180 см (1,62 м²).

– С мамой, но я почти её не видел. Она бросала мне еду через окно. Но иногда забывала, и есть было нечего.

Доно сглотнул.

– А... когда это всё было?

– Не знаю. Я был ещё маленьким. Уже не помню точно, – и Китагава перечеркнул похожую на коробку комнату. – Потом я оказался у тёти. Сначала я не мог разговаривать, потому что забыл, как это делается. Тогда я в первый раз за долгое время стал говорить вслух.

Китагава принялся рисовать следующий план на другом листе бумаги.

– Вот дом тёти, – на рисунке были обозначены только вход, туалет и единственная комната в дальнем углу дома.

– В доме тёти не было кухни или ванной?

– Были, но я уже не помню их. Я всегда сидел в задней комнате. Наверно, я провёл там меньше полугода. Однажды – не помню когда – тётя перестала носить еду. Я проголодался и вышел из комнаты, но в доме никого, кроме меня, не было. После этого я попал в приют.

Такое прошлое опечалило бы любого слушателя, но Китагава рассказывал свою историю спокойным и обыденным тоном.

– После окончания средней школы я пошёл работать. Фабрики по производству лапши, печатные заводы. Больше всего мне нравилось работать на строительных площадках. Там было весело.

Он нарисовал ещё одну картинку.

– До того, как попасть в тюрьму, я работал в месте под названием «Нисимото Групп» и ночевал в их общежитии.

Общежитие представляло собой вытянутый прямоугольник.

– Все клали свои вещи, куда хотели, и спали, где хотели. Там воняло, и было грязно. У некоторых были заgreбушие руки, и если не следить за деньгами, их могли украсть. Я всегда носил утеплённый пояс и прятал деньги в нём.

Внезапно Китагава поднял взгляд на Доно.

– Тебе интересно всё это слушать?

– Дело не в интересе, просто...
– Нарисуй мне здание, где ты работал.
– Не думаю, что тебе будет интересно. Я работал в муниципалитете.
– Угу, – промычал Китагава, чуть наклонил голову вперёд и, нахмурившись, посмотрел на Доно. – Что люди делают в муниципалитете?

Ночи в тюрьме были длинными. Отбой объявляли в 21:00. Когда Доно мучила бессонница, приходилось проводить часы за размышлениями. Если какая-либо навязчивая идея вдруг приходила в голову, Доно долгое время не мог выкинуть её из головы.

Он раздумывал о до ужаса предвзятом расследовании полиции, о женщине, что назвала его извращенцем, предателе Мицухаси, родителях, вынужденных продавать дом. К этим бесконечным мыслям примешивались ненависть и раскаяние, и воля Доно слабла.

Одной холодной бессонной ночью Доно отбросил мысли о своём положении и задумался о тюремной системе. Строгая дисциплина, групповая работа, суровые правила. Он почти смирился с ними, осознав, что единственный выход – подчинение. Но что же стояло за всеми этими правилами?

Их заставляли трудиться и окружили всевозможными ограничениями. И всё. Вероятно, отсидев здесь срок, многие преступники жутко хотели избежать повторного заключения, но сколько людей действительно признали свои злодеяния и раскаялись? Он не думал, что здесь совсем нет людей, сожалеющих о своих поступках, готовых встать на путь истинный. Нет, дело было в другом...

Иногда во время отдыха на свежем воздухе или в обеденные перерывы разговор заходил о свершённых преступлениях. Большинство считали, что попались из-за простого невезения и не испытывали абсолютно никаких угрызений совести. Воры даже разрабатывали планы будущих совместных авантюр, сводя на нет весь смысл заключения.

Доно хотелось, чтобы руководство тюрем обращало внимание и на психологическую сторону вопроса, попробовало изменить образ мыслей

нарушителей закона. В конце концов, здесь содержались преступники, незрелая психика которых не позволяла им осознать весь ужас совершенных проступков.

Ноги окончательно замёрзли. Доно негромко чихнул. Попад в тюрьму, он вновь ощутил, насколько морозной бывает зима.

– Холодно? – по голосу было слышно, что Китагава смотрит на него.

– Ногам немного.

Китагава никогда не рассказывал о своём преступлении. До Доно доходили слухи, что мужчину осудили за убийство, но подробностей он не знал и сомневался, стоит ли спрашивать.

– Попробуй просунуть ноги под моё одеяло.

– Что?

– Ногу. Дай мне свою ногу.

Доно выполнил требование и аккуратно просунул ногу под соседнее одеяло. Китагава схватил его за лодыжку и подтянул ногу повыше. Доно ощутил, как ступня коснулась чего-то тёплого.

Осознав, что Китагава греет его холодную ногу о свой живот, Доно почувствовал себя виноватым. Он заверил сокамерника, что в этом нет необходимости, но мужчина продолжал крепко сжимать лодыжку. Несомненно, Китагаве самому было холодно, но он стойко терпел ради соседа. У Доно заныло сердце.

Он знал, что самоотдача Китагавы объяснялась желанием получить награду, но просто не мог бездушно отвергнуть его помощь. Да, образ мыслей сокамерника ставил в тупик, но всё-таки Китагава был добрым. Как же мог такой добросердечный человек совершить убийство?

Должно быть, Китагава поддался импульсу, не задумываясь о последствиях. Доно отказывался верить, что преступление было преднамеренным.

– Теперь левую.

Доно вытащил правую ногу из-под соседского одеяла и вежливым «Не стоит, я в порядке» отказался давать левую. В ту же секунду к нему под одеяло

проскользнула чужая рука, крепко схватила за левую лодыжку и потащила ногу на соседний футон.

Доно почувствовал, как по ноге постепенно разливается тепло. Он тихонько похихикал неожиданно для самого себя, удивившись странному счастливому чувству, что принесли действия соседа.

Желание Доно отплатить Китагаве добром казалось естественным и логичным. Китагава постоянно делал что-то приятное для него, пусть и не всегда с согласия мужчины, но даже в таких случаях действия сокамерника непременно были во благо Доно.

Китагава сидел в тюрьме уже девятый год, в то время как Доно пробыл здесь от силы четыре месяца, поэтому советом помочь соседу он не мог. Но узнав, что Китагаву выпускают через год с лишним, он подумал, что, вероятно, сможет дать ему то, чему в тюрьме никто не научит – хорошему вкусу и нравственности.

Доно подозревал, что преступление Китагавы каким-то образом связано с несчастливым детством, и полагал, что недостаток некоторых теоретических знаний являлся результатом отсутствия достаточного взаимодействия с окружающими. Если он научит Китагаву чему-то новому, покажет, как распознавать добро и зло, то – он был уверен – жизнь сокамерника после освобождения наладится. Это, несомненно, сослужит ему хорошую службу. Доно не мог позволить мужчине впустую тратить время в этой «подготовительной школе для преступников».

Возможно, руководство тюрьмы поспорило бы с тем, что вмешательство в психологическое состояние её подопечных входит в список его обязательств. Однако реальность такова, что независимые личности – это люди с сильной волей, а те, кто прибегает к насилию – слабые, неуверенные в себе и своих поступках существа.

Доно стал осознанно подходить к выбору книг для чтения вместе с Китагавой. Поскольку сокамерник так заинтересовался чертежом его дома, Доно выбирал в основном книги, каким-либо образом связанные со зданиями. Однако тематика имевшихся в наличии изданий была не особо разнообразной, и часто приходилось обращаться к альбомам «Сто храмов» или «Музеи мира». Тем не менее,

Китагава, устраиваясь под боком у Доно и с любопытством заглядывая в книги в его руках, проявлял к ним немного больше интереса, чем к просмотру телевизора.

Наверное, причиной послужило влияние Доно на Китагаву, или же всё дело было в той крохотной искорке интереса, что Доно удалось в нём зажечь. Теперь Китагава, никогда прежде не увлекавшийся чтением, стал сам брать книги с полок в библиотеке и срисовывать здания с картинок себе в блокнот.

По вечерам Китагава, казалось, изнывал от желания поскорее покончить с ужином, чтобы взяться за свои рисунки. Когда работа над ними подходила к концу, он показывал Доно окончательный вариант. Поначалу они были похожи на неуклюжие каракули маленького ребёнка. «Хорошая картинка», – говорил Доно скорее из вежливости, нежели в восхищении. Однако в последнее время техника Китагавы стала улучшаться невероятными темпами, и рисунки выходили поистине потрясающими.

– Замечательно нарисовано, – хвалил Доно. Уголки губ Китагавы ползли вверх, и он рисовал ещё и ещё. Он так увлекался процессом, что не замечал окликов сокамерников, и с такой сосредоточенностью корпел над своими набросками, что, казалось, в него вселился демон рисования.

В конце января Китагава закончил работу над «Храмом Святого Семейства»⁸, разместив его на двух блокнотных листах. Рисунок был действительно великолепен, и даже другие сокамерники, прежде не воспринимавшие всерьёз увлечение Китагавы, собрались кружком, чтобы полюбоваться на храм.

– Изумительно! – восторженно воскликнул Доно. – Я и не подозревал, что у тебя такой талант к рисованию!

Китагава гордо улыбнулся, радуясь комплименту.

– Мне пришлось попотеть, – ответил он, вглядываясь в лицо Доно снизу вверх. – Похвали меня ещё. Скажи ещё что-нибудь вроде «изумительно» и «отличная

⁸ *Temple Expiatori de la Sagrada Família* – одна из самых знаменитых церквей Барселоны, построенная по проекту Антонио Гауди.

работа». Я потратил целых три дня. Похвали меня хорошенько за все эти дни упорной работы.

Действительно, рисунок Китагава впечатлял, но Доно беспокоили эти настойчивые просьбы.

– Но ты ведь рисовал не для того, чтобы просто показать мне, верно? То есть, конечно, твой рисунок великолепен, но...

– Я рисовал именно для того, чтобы показать тебе, – нетерпеливо перебил Китагава, будто рассердившись на недогадливость Доно. – Мне приятно, когда ты говоришь, что мои рисунки изумительны или что я талантлив. Зачем ещё мне рисовать что-то настолько сложное?

– Так нельзя, – возразил Доно. – Люди занимаются рисованием ради собственного удовольствия. Ты не должен рисовать для меня. Рисуй для *самого себя*.

Китагава насупился.

– О чём ты?

– Я говорю, что ты должен рисовать для себя...

– Не понимаю тебя. В обществе принято заключать сделки, правильно? Если я что-то хочу, я должен отдать что-то взамен. Я хочу, чтобы ты хвалил меня – поэтому рисую. В чём проблема?

– Я просто хотел... пробудить в тебе инициативу...

– Что такое «инициатива»?

Доно не нашёлся, что ответить. Китагава раздражённо захлопнул блокнот. В тот день, в отличие от предыдущих, когда он с энтузиазмом склонялся над своими рисунками, Китагава вовсе не взялся за карандаш. На следующий день в обеденный перерыв он покинул своё привычное место и отправился болтать с Какизаки, хотя раньше оставался рядом с Доно читать книги. Доно стало немного одиноко.

Вечером перед сном Китагава продолжал игнорировать Доно и, конечно, ничего не рисовал. Сокамерник явно злился, но Доно совершенно не понимал почему. Утром, четыре дня спустя с начала их игры в молчанку, Доно вызвал надзиратель завода: приехал отец.

– Ты похудел, – заметил отец, хотя сам выглядел ещё более измождённым. Доно не знал, что сказать. Волосы отца стали совсем седыми, а сам он будто весь усох. Голова была понуро опущена, и весь вид выдавал потерянность, словно он не знал, о чём говорить с сыном.

– Я уверен, мать и Томоко уже рассказывали... Мы продали дом и уже месяц как съехали. Жизнь в деревне не так уж плоха – очень спокойная.

Чем больше отец подчёркивал преимущества жизни в деревне, тем неудобнее становилось Доно. Казалось, отец просто пытается храбриться.

– Насчёт человека из полицейского управления... Его ещё не нашли.

– Мне жаль. Это всё моя...

Отец отрицательно покачал головой.

– Ты не виноват. Это мы с матерью повели себя неосмотрительно. Не волнуйся об этом.

Их разговор периодически обрывался, но даже в молчании отец продолжал сидеть напротив все пятнадцать минут положенного времени. Вскоре Доно вернулся на завод и снова уселся за швейную машину. Внезапно ему захотелось расплакаться. Родители и сестра не заслужили таких бед. Больно вновь вспоминать, что все их страдания – следствие его ошибки.

Подоспел полдень, а Доно практически не продвинулся с работой. Китагава устроился рядом, в считанные секунды покончил с обедом и проворно подскочил с места, когда подали сигнал отложить палочки. До этого момента Доно ни о чём конкретном не задумывался и чувствовал себя беспомощным и покинутым. Объяснить это состояние можно было единственным словом – одиночество. Не осознавая своих действий, он схватил Китагаву за подол рабочей куртки.

Сокамерник бросил на Доно холодный, жёсткий взгляд сверху вниз.

– Не мог бы... Не мог бы ты немного посидеть рядом?

Китагава метнул взгляд в сторону Какизаки, но всё-таки опустил обратно на стул. Рядом с Китагавой Доно позволил своим мыслям пробежаться по множеству проблем и вопросов. Они не особо отличались от прежних переживаний, но, зная, что рядом есть кто-то сочувствующий, Доно стало чуть-чуть легче. Бок о бок с ним сидел

человек, который без лишних вопросов оказал бы Доно любую помощь. Если с ним что-нибудь случится, Доно верил – Китагава незамедлительно придёт на выручку. Эта вера позволила побороть печаль.

Незадолго до конца перерыва Доно поблагодарил Китагаву.

– Я ничего не сделал, – неуверенно ответил сосед.

– Ты остался рядом со мной.

– Я же сказал, что ничего не сделал.

– Даже если и так, мне стало лучше просто от твоего присутствия. Вот почему я благодарен тебе.

Китагава нахмурился.

– Не понимаю.

– Ничего страшного.

Сокамерник не двигался с места и начал нервно покачивать ногой. Всё с тем же угрюмым выражением лица он спросил:

– Тогда почему?

Какие же слова могли бы донести до Китагавы чувства Доно?

– Потому что я рад, что ты был рядом.

– Я... – начал было Китагава, но вдруг замолчал.

– Это не сделка, – пояснил Доно. – Дело не в награде или ещё чём-то. Это мои чувства.

Китагава немного помолчал, обдумывая слова Доно.

– Но я ничего не сделал.

– Ты и не должен.

Высокий заключённый встал и направился к Какизаки. Доно вложил все силы в попытку открыто передать Китагаве свои настоящие чувства. «Похоже, не удалось», – обречённо подумал Доно.

На следующий день во время упражнений под открытым небом Доно, немного размявшись, присел у забора и рассеянно принялся наблюдать за игрой в софтбол. Поначалу он удивлялся, откуда у игроков столько энтузиазма, но позже,

узнав, что причиной азарта были ставки, Доно почувствовал разочарование и вместе с тем странную уверенность, будто знал, что так всё и обернётся.

Ветер пробирал до костей, но солнечные лучи немного согревали. Доно сидел неподвижно, обхватив руками колени, и слушал птичий щебет. В памяти всплыл школьный поход, и он криво усмехнулся тому, как по-разному воспринималось пение птиц в лесу в счастливом детстве и сейчас – во дворе тюрьмы.

На ноги вдруг упала тень. Доно поднял голову – перед ним стоял Китагава. На нахмуренном лице сокамерника читалась напряжённая работа мысли.

– В чём дело?

Китагава отвёл взгляд. Он явно избегал зрительного контакта, но уходить, по-видимому, не собирался. Он потоптался на месте в нерешительности, а затем посмотрел Доно прямо в глаза.

– Ты меня пугаешь.

Острая боль, словно ножом, пронзила сердце Доно. Он понятия не имел, чем так «напугал» Китагаву. Раз сокамернику было неприятно находиться рядом, лучше бы он просто молчал и игнорировал его.

– И что? – ответил Доно с ноткой злости в голосе. Внезапно Китагава топнул ногой о землю. Потом ещё и ещё.

– И вот... Я просто хочу сказать...

– Если я такой страшный, держись от меня подальше и всё.

Китагава прикусил губу и что-то пробормотал, но Доно не расслышал слов.

– Я сказал, что ты страшный, потому что так и есть, – наконец, долетело до Доно. – Ты говоришь такие вещи, которые я не могу понять, сколько ни пытаюсь. Это меня беспокоит и пугает.

Доно оторопело моргнул.

– Да что с тобой такое? – воскликнул Китагава. – И что это за странное чувство в груди?

– Не понимаю, о чём ты.

Китагава раздражённо сжал кулаки.

– Я говорю, что мне не нравится это! – яростно выкрикнул Китагава.

– Хорошо, понял, тебе не нравится это чувство, но *на что* оно похоже?

Доно думал, что мужчина уйдёт, но вопреки его ожиданиям Китагава уселся на землю в двадцати сантиметрах от него и принялся время от времени поглядывать на Доно, будто оценивая.

– Чувствую себя таким маленьким, и внутри всё как будто сжимается. Почему так?

Доно с трудом распознал правду в туманном ответе Китагавы.

– То есть тебе одиноко?

– Не знаю, – Китагава уставился на землю и вырвал с корнем пучок травы. – Погладь меня по голове, – промямлил он, не поднимая головы. Доно и представить себе не мог, о чём сейчас думает этот человек, но послушался и потрепал его по коротким волосам. Хотя Китагава сам озвучил эту просьбу, ласку он принял напряжённо и продолжал сидеть без движения, упрямо обхватив колени.

– Знаешь, я больше ничего не буду для тебя делать, – на Доно устремился злой взгляд. – Не буду делиться вкусностями за ужином. Не дам лекарства, если ты заболеешь.

– Я ничего от тебя и не требую.

– *Я же сказал:* ничего тебе не дам! Почему ты меня не слушаешь?

Доно осторожно убрал руку с дрожащей головы.

– Ты не можешь на мгновение забыть о сделках и награде и постараться научиться обычным отношениям?

На Доно воззрились глаза, полные слёз.

– Я не знаю таких отношений.

– Никто не получает выгоду. Люди просто ладят друг с другом потому, что чувствуют симпатию.

– Это странно.

– Я думаю, это называется нормальными отношениями.

Китагава продолжал неподвижно сидеть, понунив голову, а потом снова пробормотал:

– Погладь меня по голове.

Доно ласково провёл рукой по его волосам. Китагава сильнее обхватил колени и весь сжался в комочек.

– Что мне сделать для тебя?

– Тебе не нужно ничего делать.

Китагава поднял на Доно глаза.

– Правда, тебе ничего не нужно делать, – мягко успокаивал его Доно.

Сокамерник вновь потупился и промычал:

– Угу.

Послышался громкий удар биты о мяч, и тот, описав ровную дугу в воздухе, исчез в ослепительном солнечном сиянии. Китагава взглянул на небо, следя глазами за траекторией полёта мяча.

Физически он был зрелым человеком, но в душе по-прежнему оставался ребёнком. Когда их глаза встретились, Китагава поспешно опустил взгляд. Доно был уверен – в этот раз из-за робости.

Симпатию человека выдают множество вещей: выражение лица, слова, поза и то, как он выделяет тебя из толпы. Но что если эти признаки проявляются все разом? Вот в такой ситуации и оказался Доно.

Китагава стал неизменным спутником Доно, и его явная привязанность вызывала недоумение окружающих. Он не покидал Доно ни на минуту во время обеденного перерыва, после ужина и до самого отбоя. Они и прежде сидели всегда близко, но теперь Китагава буквально прижимался к Доно.

– Что читаешь? – спрашивал он, бросая взгляд украдкой, всякий раз, как Доно устраивался с книгой. Поначалу Китагава довольствовался совместным чтением, но стоило ему заскучать, как он принимался приставать к Доно с предложениями поиграть в го⁹ или сёги¹⁰. Доно не особо разбирался ни в том, ни в другом, но сдавался настырным упрашиваниям Китагавы и соглашался сыграть пару партий. Когда же Доно пытался закончить игру, сосед упрямо протестовал и

⁹ Китайская настольная игра шахматного типа.

¹⁰ Японская настольная игра шахматного типа.

настойчиво требовал продолжения. А когда мужчина отказывался – дулся и сердился, но всё равно оставался рядом.

– Давай держаться за руки, – прошептал однажды Китагава после отбоя.

– Держаться за руки?

– Друзья ведь держатся за руки?

«Мы уже не дети», – раздражённо подумал Доно, но поскольку особо серьёзной причины отказывать не было, взял соседа за руку. Китагава без конца то сжимал, то разжимал ладонь Доно, что поначалу нервировало, но скоро стало привычным, и, сам того не заметив, мужчина крепко заснул. Когда он проснулся утром, ладонь Китагавы всё ещё сжимала его. Их стиснутые руки выскользнули из-под одеяла и покоились на полу у всех на виду. Доно не на шутку испугался, подумав о том, что они могли получить нагоняй от надзирателя.

Когда Доно пошевелил рукой, Китагава проснулся, сонно моргнул и радостно улыбнулся. И тихонько захихикал, сначала спрятавшись под одеялом, а потом лукаво выглянув.

– Что ты делаешь?

Ничего не ответив, Китагава вновь нырнул под одеяло. Мимо прошёл охранник, но ничего не сказал по этому поводу – должно быть, он был одним из самых добрых и снисходительных среди всех надзирателей.

Весь день Китагава пребывал в приподнятом настроении. С лица исчезла прежняя отчуждённость: он оживлённо болтал и без конца смеялся. После ужина он принялся обнюхивать одежду Доно, словно собака, и мужчина подумал: должно быть, запах мыла после купания ещё не выветрился.

– От меня воняет? – спросил он.

Китагава затряс головой.

– Ты вкусно пахнешь.

– Мылом, наверное?

– Нет.

Китагава провёл носом по шее Доно, вдыхая его запах, затем высунул язык и легонько лизнул. Доно вздрогнул от неожиданности. Вдруг ни с того ни с сего Китагава принялся игриво кусать мужчину за голову.

– Ч-что ты делаешь? – проговорил Доно заплетающимся языком, пытаясь высвободиться из крепкой хватки. Китагава обнял его со спины, не позволяя вырваться на свободу. Кумон загоготал, наблюдая за их борьбой.

– Что, Китагава, решил стать каннибалом?

– Конечно, нет. Я бы никогда его не съел, – ответил тот со всей серьёзностью. – Иначе Доно исчезнет.

– То-то и оно, – так же серьёзно поддакнул Сиба.

Какизаки хихикнул, повернулся к Кумону и спросил с глупой улыбкой:

– Что «оно»?

Кумон хитро улыбнулся.

– Это когда мужчина с женщиной трахаются и заводят голопузов, – грубо ответил он и развязно рассмеялся.

Китагава перестал покусывать голову Доно и, по-прежнему сжимая его в объятьях, принялся толкаться в него сзади.

– Х-хватит дурачиться, иначе охранник нас накажет! – возмутился Доно, но Китагава будто его и не слышал. Спустя несколько секунд из-за спины раздался голос:

– У меня встал.

Доно ошарашено застыл на месте.

– Вот что бывает, когда толкаешься, – ответил Кумон. – Твой член готов к труду и обороне. Иди-ка расслабься в толчке.

Китагава схватил салфетку с полки и скрылся за перегородкой. Доно понимал – это естественная реакция организма. Он и сам не раз таким образом избавлялся от напряжения под одеялом. Но тем не менее в голове возмущённо пронеслось: неужели нельзя было возбудиться в *другом месте* и в *другое время*?

Пока Китагава был в туалете, Какизаки бочком подкрался к Доно. Ужин ещё не закончился, и им не полагалось покидать свои места, однако младший сокамерник решил проигнорировать это правило.

– Значит, Доно-сан, вы с братцем Китагавой, ну, это, вместе? – прошептал он.

– То есть «вместе»?..

– Ну, вы занимаетесь анальным сексом?

– *Что?!*

В попытке предотвратить дальнейшее развитие разговора, Сиба дал Какизаки подзатыльника.

– Думаешь, у них вышло бы? В камере на пять человек? – раздражённо спросил он. – Китагава просто придушивается, вот и всё.

– Ага, просто я подумал – если это правда, я не против присоединиться.

Кумон с отвращением фыркнул.

– Иди вон засунь себе в задницу палочки для еды, если ей так одиноко, – зашипел он.

Какизаки наморщил нос, состроив оскорблённую физиономию.

– Я актив вообще-то, Кумон-сан. Ты ржёшь над гомиками только потому, что не представляешь, каким классным может быть анальный секс. Там очень узко, знаешь ли. *Потрясающие* ощущения.

Сиба захлопнул книгу.

– Как бы там ни было узко, не думаю, что смогу вынести вид болтающихся яиц, – прокомментировал он.

– Д-да, но...

– Достал со своими жопами! – сердито прикрикнул Кумон, недовольно хмурясь. – Если так их любишь, вали в изолятор и дрочи, сколько влезет. О, придумал! Может, мне рассказать охраннику? Это меньшее, что я могу для тебя сделать, – съязвил он.

Какизаки отчаянно замотал головой.

– Нееееет, только не изолятор, – захныкал парень. – Там так одиноко.

Они всё ещё продолжали препираться, когда вернулся Китагава и с недовольным видом застыл позади Какизаки.

– Это моё место, – угрожающе прорычал он. Какизаки поспешил пересесть на свою подушку. Расположившись на своём законном месте, Китагава взглянул на Доно и, когда их глаза встретились, расплылся в широкой улыбке.

Во время работы на заводе некоторые узники получали выговор и в наказание вынуждены были покидать свои места. Около недели назад там сменился надзиратель: место старшего офицера средних лет занял молодой охранник лет двадцати восьми. Смена охраны была частой практикой, но новый надзиратель оказался излишне строгим, раздавая штрафы направо и налево даже за ничтожнейшее несоблюдение дисциплины. В результате среди заключённых он стал пользоваться дурной славой.

В тот день в самый разгар смены двое узников затеяли спор, касающийся рабочих вопросов. Охранник включил аварийный сигнал, не удосужившись даже выслушать объяснения несчастных, и заключённых силой увели с завода.

Лицо молодого надзирателя в тот момент перекосило от отвращения к пререкающимся. Вскоре он, выдернув из ноздри непослушно торчащий волосок, отпустил остальных узников, пригрозив им тем же наказанием в случае нарушения тишины во время работы.

Доно пришёл в ярость. Да кем себя возомнил этот малец? «То, что ты надзиратель, не значит, что тебе позволено всё!» – негодуя воскликнул он про себя. В груди стала нарастать волна гнева, и он чуть было не подскочил с места в знак протеста. Но в тот же миг в мыслях всплыло слово «наказание», заставив Доно сидеть смирно и проклинать своё малодушие. Настроение после этого инцидента значительно ухудшилось.

В тот день расписание предписывало разминку во дворе. Стояла глухая зимняя пора, небо заволокло тучами, практически не пропускавшими солнечных лучей. Чтобы не отморозить кончики пальцев, приходилось постоянно двигаться. Доно принялся размеренной поступью вышагивать по периметру двора бок о бок с Китагавой, не оставлявшим его одного ни на секунду, как и во время перерывов на

обед. Если Доно останавливался – застывал и Китагава. Если Доно решал присесть – сокамерник тут же устраивался рядом. Теперь слухи об их «отношениях», бродившие среди заключённых тюрьмы, достигли и Доно.

Не очень приятно было осознавать, что окружающие считают тебя гомосексуалистом, а ещё большее раздражение вызывали надоедливые поддразнивания. Однако он и не думал отталкивать Китагаву. Он просто не мог обидеть этого взрослого ребёнка, в чьих глазах светилось столько нежной привязанности и преданности, так же как и вырвать из сердца жалость к человеку с таким несчастным детством.

– Этот надзиратель меня выбешивает, – резко сказал Доно. – Сделать им выговор за такую малость! Он не понимает, как серьёзно на заключённых может повлиять одно единственное наказание!

Доно воспользовался временным уединением, чтобы поделиться с Китагавой скопившимся негодованием. В подобном месте приходилось осмотрительно выбирать слушателей даже для высказывания недовольства. Стоило какому-нибудь заключённому неудачно озвучить нелестный комментарий в присутствии другого узника, который не гнушался донести на товарища ради собственной выгоды, как надзиратели принимались безжалостно страшать незадачливого нарушителя. Доно слышал, что раньше здесь содержался мужчина, которому выписывали штрафы за малейшую провинность. В конечном итоге он попал в изолятор и впал в депрессию из-за постоянных издёвок. Был ещё один случай, когда освобождённый условно сразу после выхода из тюрьмы убил главного надзирателя и тут же загремел обратно. Теперь Доно мог понять его чувства.

– Эй, можно мне прилечь тебе на колени?

Буря негодования всё ещё бушевала в душе Доно, и он не сразу понял просьбу Китагавы.

– Я имею в виду, можно использовать твои колени как подушку?

В камере место каждого заключённого строго регламентировалось, а лечь до отбоя не позволялось. «Но это не значит, что при первой же возможности надо вести себя так, да ещё у всех на глазах», – пронеслась мысль.

Кроме того, Доно ещё не закончил свою гневную тираду. Он не ждал какого-либо ответа от Китагавы, поскольку всего лишь высказывал вслух своё недовольство, но сокамерник мог бы, по крайней мере, притвориться, что слушает.

– Да, но знаешь... – начал было возражать Доно.

– Хочу на коленки.

Китагава всё не унимался в надежде заполучить желанную «подушку», и Доно, проиграв в неравном по силам противостоянии, наконец, уступил. «Ну вот, пожалуйста, опять я собственноручно даю пищу слухам», – подумал он. Китагава положил голову на колени Доно, прижавшись лицом к его животу.

Доно с волнением ожидал предупреждения от охранника, но тот увлёкся наблюдением игры в софтбол и не обращал на них внимания.

Голова Китагавы, поначалу неподвижно покоящаяся на его коленях, придвинулась ближе, и сокамерник, уткнувшись носом в ширинку Доно, начал шумно втягивать воздух. Мужчина нервно заёрзал на месте.

– Э-эй, прекрати!

– Пахнет тобой.

– Завязывай с этим! – Доно схватил голову мужчины двумя руками и попытался отодвинуть от себя. Китагава раздражённо цыкнул и перестал настаивать, но голову с колен не убрал.

В итоге он обхватил ноги Доно руками, чтобы тот не смог его спихнуть. Доно фыркнул, поражаясь такому упрямству.

– Скажи мне своё имя, – небрежно попросил он.

Последовала короткая пауза.

– Кэй, – ответил Китагава.

– Как оно пишется?

– Как «две земли друг над другом»¹¹. А твоё?

– Такафуми.

– Как пишется?

¹¹ 圭 – *kei*, «почва, грунт, земля».

– Така – как «гора» над «религией» и *фуми* – как «рукопись».¹²

– Угу.

– У тебя милое имя, – ласково сказал Доно. Китагава взглянул на него снизу вверх.

– Оно как будто принадлежит кому-то другому.

– Почему?

– Меня раньше так никто не называл.

Сердце заныло, когда Доно представил себе то безрадостное детство, где ребёнка ни разу не назвали по имени.

– Очень жаль, – мягко проговорил он.

Китагава широко улыбнулся:

– Кажется, будто это ты мне его дал.

– Тогда мне можно звать тебя Кэем теперь?

Китагава радостно закивал головой, не поднимаясь с колен Доно.

– А мне можно звать тебя Такафуми?

– Конечно.

– Такафуми, Такафуми, – стал повторять Китагава снова и снова без особой на то причины. Он сейчас был таким милым, что Доно не удержался и погладил мужчину по бритой голове. Китагава блаженно зажмурился, как довольный кот, и Доно вновь поймал себя на мысли: как такой невинный и искренний человек мог кого-то убить? С каждым днём Доно всё больше убеждался, что у Китагавы спокойный и миролюбивый характер. Он совершенно не подходил на роль расчётливого или неумолимого убийцы.

Возможно, спрашивать подобное было плохой идеей, но желание узнать правду росло с каждой минутой, и Доно поддался любопытству и попытался подойти к вопросу издалека.

– Как ты оказался в тюрьме?

Китагава поднял на него вопросительный взгляд.

¹² 崇 – *taka*, «гора+религия» и 文 – *fumi*, «письмо, предложение, рукопись, письменность».

– Ты не знаешь?

– Только по слухам, но...

«Значит, знаешь. Мне нечего рассказывать», – читалось на лице сокамерника, когда он поспешил закрыть глаза.

– Только по слухам, – не сдавался Доно, – но я не могу поверить, что ты способен на убийство.

Китагава чуть приоткрыл глаза и устремил на Доно немигающий взгляд. Может, он ступил на опасную территорию? Доно поспешно затараторил:

– Если не хочешь об этом говорить, я пойму. Мне не стоило вытягивать из тебя правду. Прости меня, – Доно сделал глубокий вздох и коротко выдохнул. Он был уверен, разговор на этом закончится.

– Однажды в дождливый день меня пришла навестить мама, – вдруг пробормотал Китагава. – В общежитие на строительной площадке. Я не видел её десять лет. Я не знал, кто эта женщина средних лет, пока она не сказала, что она моя мать. Она сказала, что нам надо наверстать упущенное, и позвала поужинать вместе. И угостила меня мясом. А потом попросила одолжить денег, потому что была на мели, и я ей их дал.

Китагава зевнул.

– Потом она приходила за деньгами ещё и ещё. Однажды она пришла зимой, когда лил дождь. Я сказал, что у меня больше нет денег. Тогда она взяла меня за руку и повела за собой. Мы пришли на склад в дальней части строительной площадки. Там на полу лежал какой-то человек. Она дала мне в руки нож, завернутый в носовой платок, и сказала: «Если ты его не убьёшь, убьют меня. Поэтому ты должен его убить». И я заколол его, как она и просила.

«Теперь ты знаешь», – прошептал он, подняв взгляд на Доно.

– Знаешь, когда люди умирают, они ничего не говорят. Даже не кричат. Поэтому я не знал, сколько нужно ударить, чтобы он умер, и как узнать, что он уже мёртв.

Доно схватился за голову.

– Ты рассказал об этом полиции, правда?

– Да, я сказал, что убил его.

– Нет, я имею в виду, сказал ли ты, что убить его тебя попросила мама?

– Нет. Мама велела сказать им, что его убил я. Я так и сделал.

Доно не поверил своим ушам.

– Почему ты не рассказал им правду? – повысив голос, спросил Доно. – Ты говоришь, что убил его, но, может, он уже был мёртв?! А если тебя использовали как козла отпущения?!

– Не знаю, – ответил Китагава. Доно был вне себя от ярости.

– Почему ты даже не попытался доказать свою невиновность? Если он уже был мёртв – ты просто нанёс увечья бездыханному телу. Может, приговора избежать бы и не удалось, но тебе не пришлось бы столько лет торчать в тюрьме!

– Мне всё равно, был он жив или мёртв, – вяло возразил Китагава. – Я его даже не встречал до этого. К тому же в тюрьме больше всего уважают убийц, и никто не смеет строить тебе козни.

Эта история ошеломила Доно. Он не мог постигнуть образ мыслей Китагавы. Даже по просьбе матери Доно не смог бы убить человека. Как можно считать такое нормальным? У Китагавы вообще нет представления о нравственности?

– Почему у тебя такой вид? – насутился Китагава. – Ты сам хотел знать правду, Такафуми. Ты спросил, почему я убил его.

– Да, но...

– Я согласился рассказать это только тебе. Ни полицейскому, ни адвокату, ни другим заключённым. Хотя мама просила вообще никому не говорить.

Доно не нашёл, что ответить.

– Если ты до сих пор держал всё в тайне, зачем рассказал мне?

– Потому что ты хотел знать правду, – повторил Китагава с надутым видом.
– Потому что ты нравишься мне больше, чем мама. Что такого, если я предпочитаю того, кто, по-моему, лучше?

– Предпочитаешь? В каком смысле?

Китагава смущённо замолчал.

– Предпочитаю, значит, предпочитаю. Что не ясно? – наконец пробормотал он.

Доно попытался поднять голову Китагавы с колен, но тот вцепился в него ещё сильнее. Что бы Доно ни делал – сдвинуть сокамерника с места не представлялось возможным. Если они будут шуметь, прибежит надзиратель, поэтому Доно бросил бесполезные попытки высвободиться из железной хватки.

– Мне всё равно, где там мама, я хочу, чтобы ты был рядом, Такафуми. Когда мы вместе, когда я прикасаюсь к тебе, мне становится так тепло.

Неужели он так боготворит свою мать? Мать, которая повесила ответственность за убийство на своего собственного сына? Сердце Доно сжалось от мысли, что Китагава ещё ни разу в жизни не встречал теплых человеческих отношений.

– Когда выйдешь отсюда, найди достойную работу и достойного человека. Я знаю, ты встретишь кого-то намного лучше меня.

– К тому времени я превращусь в старикашку.

Доно вопросительно склонил набок голову.

– В следующем году мне будет 30. Ты первый хороший человек, которого я встретил за всю свою жизнь, Такафуми. Значит, следующий такой человек встретится ещё через 29 лет, правильно? Мне будет почти 60. Старикан. Лучше останусь с тобой.

Вопреки их недавней борьбе, Китагава снова уткнулся лицом в ширинку Доно.

– Хочу заняться с тобой сексом, – прошептал он.

У Доно ёкнуло сердце.

– Я никогда раньше не засматривался на мужские задницы и не хотел мужчин. Но я хочу тебя, Такафуми. Я стал гомиком? – задумчиво произнёс Китагава.

– Интересно, люди всегда так быстро превращаются в голубых?

– Т-ты уверен? Может, тебе это только кажется? – запнувшись, спросил Доно.

– Нет, *не кажется*, – настойчиво ответил Китагава. – Я хочу прямо сейчас расстегнуть тебе ширинку, вытащить твой член и облизать его. Думаю, твоя сперма тоже вкусно пахнет, Такафуми.

– Прекрати, Китагава! – резко оборвал его Доно.

– Ты же собирался звать меня Кэем. Давай, скажи «Кэй». Ты же дал мне имя.

Доно пробила сильная дрожь. По телу пронеслась волна странного ощущения, похожего на ярость и чувство унижения, но всё-таки что-то другое.

– Не сердись.

– Чт... Как мне не сердиться? – огрызнулся Доно.

– Почему ты сердишься? Я ведь сказал правду, – Китагава, наконец, поднял голову. Коленам вмиг стало холодно.

– Знаешь, я много думал об этом, – заявил Китагава. – Думал, думал и... Я очень хочу заняться с тобой сексом. Я удивлялся – почему секс? – и кое-что понял.

Доно посмотрел Китагаве в глаза.

– Я люблю тебя, Такафуми. Вот почему я хочу секса с тобой.

– Ты просто придумываешь оправдания своей похоти, – выпалил Доно.

– Супруги занимаются сексом, потому что любят друг друга, правильно? Так же и я. Такафуми, я тебя люблю и поэтому хочу заняться сексом.

– Нет! – сердито воскликнул Доно и вперился взглядом в землю.

– Почему нет? Я же говорю – я люблю тебя, – прошептал Китагава.

Доно снова не нашёл подходящих слов.

«А если бы это случилось на воле?» – размышлял Доно. Допустим, ему бы признался друг. Если бы Доно не разделял его чувств – так прямо бы и заявил. И стал бы держаться на расстоянии от него, надеясь, что со временем чувства остынут.

Доно был откровенен с Китагавой.

– Ты мне нравишься как друг, но я не испытываю к тебе романтических чувств. Я не хочу заниматься с тобой сексом, – твёрдо заявил он.

– Тогда жди – я стану нравиться тебе так сильно, что ты *точно* захочешь заняться со мной сексом! – ответил Китагава. Доно мог бы отдалиться от Китагавы, но они сидели рядом в камере и столовой: не было ни одного шанса держать дистанцию.

Постепенно прикосновения Китагавы становились всё более интимными. Однажды ночью Доно проснулся от странных ощущений. Осознав, что его целуют, причём ни кто иной, как Китагава, мужчина с трудом сдержал вопль и грубо оттолкнул навалившееся на него тело. Китагава упал на пол с глухим ударом, и на шум тут же примчался охранник. Все заявили, что мирно спали и не слышали никакого удара, но надзиратель настаивал, что слышал шум именно из их камеры.

– Я не слышал ни звука, сэр, – ответил за всех Сиба. – Но если Вы уверены, может, что-то случилось в соседних камерах или этажом выше?

Охранник растерял всю свою уверенность из-за предположения Сибы и смягчился. Когда он ушёл, Кумон резко обернулся к ним.

– Делайте это тихо, бога ради. Тихо! – прошипел он. Доно понял, что подразумевалось под «этим», и слова Кумона оскорбили его чувства.

На следующий день Доно дождался обеденного перерыва и набросился на Китагаву с упрёками. Когда он принялся объяснять соседу, что подобное не принято делать без согласия второй стороны, Китагава удивлённо спросил – почему?

– Пока я *спал*? Это трусость! – свирепо бросил Доно шёпотом, когда они отошли к книжным полкам.

– Нет, лучше, пока ты спишь. Я решил, что ты разозлишься, если я сделаю это днём.

– Ещё бы, чёрт побери!

– Но во сне ты не замечаешь, что я делаю. Если ты не знаешь, что происходит, значит, ничего и не происходит.

– Что за глупости?!

– Я целовал тебя уже пять раз до этого, но проснулся ты только сегодня.

Доно впал в ступор, узнав, что не первую ночь подвергается такому. Китагава воззрился на него с вызовом.

– Ты и за те пять раз будешь злиться? – спросил он.

– С меня хватит, – гневно прошептал Доно.

– Можешь сердиться, сколько угодно, но ты всё равно сидишь рядом со мной.

Доно опротивел этот разговор, но когда он попытался уйти, Китагава схватил его за правую руку.

– Отпусти меня, – сорвался Доно, пытаясь одёрнуть руку.

– Но я люблю тебя, – прошептал Китагава на самое ухо, и сердце Доно сжалось.

– Люблю тебя, – повторил сокамерник. – Я люблю тебя так сильно, что хочу целовать, даже когда ты спишь.

Прикрыв глаза, Китагава стал шептать слова признания снова и снова, будто знал, в каком смятении находится сейчас Доно. Мужчина пришёл в ярость от отнюдь не невинных методов Китагавы заставить его потерять самообладание.

– Не разбрасывайся словами, как игрушками. Меня от тебя тошнит, – бросил он зло.

– Я очень тебя люблю, Такафуми.

Доно уставился на свои ботинки. Ни разу в жизни – даже на воле, даже в шутку – Доно никто не признавался в любви так много раз. Никогда.

В итоге Доно смирился с ночными поцелуями и пришёл к выводу, что всё равно ничего не сможет исправить – Китагава не обратит внимания на его «нет». Если же Доно поднимет скандал, то лишь доставит неприятности всем сокамерникам. Когда он чувствовал губы Китагавы, то просто старался не открывать глаза, притворяясь спящим и терпеливо дожидаясь, когда сосед пресытится.

Ночью Китагава очень чутко улавливал звук шагов надзирателя – должно быть, из-за длительного пребывания в тюрьме. Иногда в самом разгаре поцелуя он вдруг отстранялся и быстро возвращался на свой футон, а через несколько секунд мимо проходил охранник. Во время ночного обхода надзиратели намеренно ступали

по ковру, что заглушал их шаги, однако даже этим нельзя было провести сверхъестественный слух Китагавы.

Он был также непревзойдённым мастером в способности прятать вещи. Таблетки от простуды, что он недавно давал Доно, составляли его коллекцию лекарств, которые он начал собирать ещё летом, наловчившись врать на каждом медицинском осмотре о плохом самочувствии. Хранение лекарств каралось наказанием, но даже во время внезапных проверок их вещей в камере или на заводе Китагаве удавалось выйти сухим из воды. Что бы ни нужно было спрятать, он делал это по-настоящему профессионально.

Шли дни, сдерживать настойчивое преследование Китагавы по-прежнему не представлялось возможным, и постепенно Доно привык к неуютной прежде близости сокамерника. Он стал с бóльшим спокойствием принимать противоестественную привязанность Китагавы и поцелуи, пока, наконец, и вовсе не смирился.

Сколько бы Доно не ругался раньше, всё было бесполезно – у Китагавы всегда находились нелепые отговорки. Единственный оставшийся способ сохранять хладнокровие – вообще не комментировать его поступки, что Китагава расценил как одобрение. Теперь прикасаться и целовать Доно стало для него так же естественно, как дышать.

Кумон поначалу подшучивал над странным помешательством Китагавы, но вскоре оставил свои колкие замечания. Сиба и вовсе не вмешивался.

Одним холодным воскресным днём в конце февраля для заключённых второй категории устроили «вечеринку». Все узники принадлежали к одной из четырёх категорий, и те, кого определили в третью или выше имели право собираться вместе в специально отведённые для этого события выходные дни и наслаждаться закусками, соком и просмотром фильма.

Поскольку Доно присоединился к заключённым лишь несколько месяцев назад, он попадал под четвертую категорию без права на участие в подобных мероприятиях. Китагава же относился ко второй категории, поэтому ещё утром ушёл смотреть фильм. Получив, наконец, передышку и избавившись ненадолго от постоянного присутствия Китагавы, Доно вздохнул с облегчением.

Мужчина наслаждался чтением книги в одиночестве, когда к нему обратился Какизаки, сидевший напротив.

– Доно-сан, – протянул парень, – у тебя такая светлая кожа.

Доно нутром почуял подвох.

– Наверное, потому что я редко бываю на солнце, – ответил он небрежно.

– Не только поэтому. У тебя такая кожа от природы, – сказал Какизаки. – В душе особенно заметно.

Осознание того, куда пялится Какизаки во время купания, вызвало раздражение.

– Знаешь, что мне пришло в голову, Доно-сан? Разве братан Китагава – твой тип?

Доно завис на мгновение от такой наглости.

– У нас не такие отношения, – ответил он секундой позже.

– Ух, но вы, ребята, выглядите, как настоящие гомики, – ухмыльнувшись, заметил Какизаки. Доно нечего было возразить. Конечно, он оставался натуралом, даже принимая отнюдь не дружескую привязанность Китагавы, но в глазах окружающих их полуночные поцелуи и удивительная близость неизбежно наталкивали на мысль о нетрадиционной ориентации обоих.

Какизаки перегнулся через стол к Доно.

– Только между нами, – произнёс он, понизив голос. – Я слышал, что братан Китагава никогда не занимался этим *ни* с тёлкой, *ни* с парнем.

Кумон, видимо, услышал его шёпот и с радостью ухватился за интересный сюжет.

– То есть он девственник? Хорош заливать.

Какизаки обиженно сморщился.

– Это правда, – настаивал на своём парень. – Я сам его спрашивал. Он сел за убийство, так? В 19 лет. Опыта до этого у него не было. Сто пудов он не делал этого с бабой. С мужиком тоже – Китагава сам так сказал. Так что он точно девственник.

Кумон скрестил на груди руки и игриво захихикал.

– 28 и девственник, значит? У него там нехилый агрегат. Какая жалость, что болтается без дела.

– Размер не имеет значения. Всё дело в мастерстве, Кумон-сан.

Разговор стал касаться таких подробностей, которые Доно предпочёл бы обойти стороной, поэтому он притворился, что увлечён книгой. До настоящего момента он встречался с тремя женщинами и спал с двумя. Пусть и небольшой, но опыт у него был.

– Эй, Доно-сан, – мерзким тоном протянул Какизаки, – если позволишь шалявому¹³ Китагаве долбить себя таким огромным членом, он порвёт тебе всю задницу, точно говорю. Попробуй лучше с кем-то средних размеров и с хорошими навыками, как у меня, к примеру...

Кумон шлёпнул Какизаки по голове.

– Даже не думай подкатывать к Доно в присутствии Китагавы, усёк? Уроет нафиг.

– Знаю, – заскулил Какизаки, поглаживая ушибленное место. – Вот поэтому я и делаю это сейчас.

Сибя, остававшийся до этого пассивным слушателем, захлопнул книгу и вздохнул.

– Мне кажется, у них односторонние отношения. По крайней мере, Доно к нему ничего подобного не испытывает. Верно, Доно?

– Похоже на то, – расплывчато ответил Доно. Какизаки не удовлетворил ответ сокамерника, и он уставился на него с подозрением. Доно опустил взгляд в книгу, сделав вид, что ничего не заметил, и стал размышлять – может, стоит запретить Китагаве целовать его, чтобы люди перестали выдумывать всякие глупости?

Китагава вернулся к полудню и тут же вытащил из-за пазухи три печенья где-то с палец шириной, каждое в отдельной упаковке. Четыре пары глаз жадно уставились на угощение – в тюрьме редко удавалось достать сладости. За

¹³ *Шалявый* – неопытный.

исключением тех, кто не переносил подобные лакомства, каждый заключённый в конечном счёте превращался в истинного сладкоежку.

Поначалу Доно поражался этому жгучему желанию урвать кусочек чего-нибудь сладкого, но теперь испытал на себе эту будто физическую потребность.

– Что это? – спросил Кумон, громко сглатывая.

– Осталось с вечеринки. Это для Сиба-сана, Кумон-сана и Какизаки.

Доно был потрясён, что его имя не прозвучало. Трое сокамерников виновато на него глянули, но умяли свои порции, не поделившись.

Доно изо всех сил старался не смотреть на Китагаву и остальных, гадая, чем же заслужил такое пренебрежение. Китагава всегда его баловал, что же теперь изменилось?

Может, таким образом Китагава пытался отомстить Доно за равнодушие к его настойчивым признаниям в любви?

Поделившись печеньем, Китагава как обычно устроился рядом с Доно и принялся игриво к нему прижиматься. Но у Доно на сердце по-прежнему было беспокойно.

С наступлением ночи, забравшись под одеяло, он не переставал размышлять о случившемся. Мучительно было осознавать свою заикленность на несчастном печенье, но избавиться от безрадостных мыслей никак не удавалось. Спросить прямо, почему его обделили, Доно не решался.

Шаги ночного охранника затихли вдали. Почувствовав, что мужчина на соседнем футоне зашевелился, Доно лёг к нему спиной.

Китагава ласково провёл по его волосам и уткнулся носом в щёку. Обычно Доно игнорировал его и ждал, когда сосед насытится своей ночной порцией нежности, но сегодня терпеть прикосновения не было сил, и Доно натянул одеяло на голову, готовый при необходимости получить нагоняй от надзирателя.

Но в ту же секунду одеяло с него резко стянули. Доно нахмурился и с силой зажмурил глаза.

– Хочешь кое-что вкусненькое? – прошептали на ухо, и Доно распахнул глаза.

Китагава держал в руках печенье, похожее на то, которым он поделился днём с остальными сокамерниками. Доно уловил приятный запах, когда Китагава поднёс угощение к лицу мужчины, и с запозданием осознал, что открывает рот в ожидании подачи, даже не сказав спасибо.

– Ешь скорее, пока не вернулся охранник, – прошептал Китагава, прикусил зубами краешек лакомства и наклонился к Доно, чуть дёрнув подбородком с призывом поторопиться. Доно немедленно укусил печенье. Потом второй раз. Он собирался остановиться, прежде чем они столкнутся, но жадность взяла над ним верх, и он легонько задел губы соседа своими. Внезапно Китагава наклонился ближе, вовлекая Доно в глубокий поцелуй. Он навис над мужчиной, приоткрыл рот и проник языком в сладкий от лакомства рот Доно.

Странное чувство захлестнуло его – в конечном итоге, Китагава поделился с ним печеньем, значит, Доно занимал особое место в сердце этого человека. При мысли об этом на душе стало тепло, и все сомнения вмиг исчезли. Когда волнения развеялись, Доно впервые ощутил, насколько чувственными были поцелуи Китагавы.

Его дыхание, запах, тепло его тела... В паху сладко заныло, и всё тело обдало жаром от смущения. Он попытался оттолкнуть мужчину, но дрожащие руки не слушались.

Китагава, казалось, не замечал его откровенной реакции: вдоволь насладившись податливостью Доно, он быстро вернулся на свой фuton.

Доно понятия не имел, как справиться с возбуждением. Если он встанет за салфеткой – выдаст себя с головой. Если оставит всё как есть – кончит во сне. Доно постарался лежать неподвижно и отвлечься на что-нибудь другое, пока возбуждение не прошло само. В ту ночь ему приснился очень реалистичный сон о том, как ласки Китагавы довели его до оргазма.

Перевод: Baka-ssi

Коррект: Yaranaika

Оформление и QC: Иллюзия

<http://illusionteam.net/>

Хоть Доно и признался себе, что Китагава его возбуждает, озвучивать это он не решался. Ему казались противоестественными ухаживания другого мужчины, не говоря уже об эротических фантазиях, где умелые руки этого самого мужчины доводят его до оргазма.

Иногда их ночные поцелуи были настолько глубокими и настойчивыми, что достоинство Доно неумолимо твердело в предвкушении более интимных ласк. Китагава, однако, никогда не заходил дальше поцелуев, преспокойно возвращаясь на свой футон, и Доно стал задаваться вопросом – откликается ли тело соседа на их близость с таким же желанием?

Разве у Китагавы не было этой естественной физиологической реакции? Неужели нет? Значит, только его одолевают эти извращённые мысли? Подобный вывод вызывал лишь уныние.

Китагава привык к жизни в камере, значит, мог кончать в считанные секунды по собственному желанию в душевой кабине. Может, поэтому их ласки не оказывали на него такого же влияния, как на Доно? Эти мысли немного придавали уверенности.

В сердце Доно начали зарождаться новые чувства, в то время как окружающая реальность ничуть не менялась. Наступил март, и первые намёки на приближение весны прогнали прочь зимнюю стужу. До освобождения Доно оставалось три месяца, и он подал прошение на отращивание волос – подготовку к будущей вольной жизни. Такое право предоставлялось всем узникам, чей срок заключения истекал через три месяца. Доно был от всего сердца благодарен за возможность избавиться от этого очевидного тюремного клейма – бритой головы.

С того момента как Доно стал отращивать волосы, настроение Китагавы заметно испортилось. Выражалось это вовсе не в агрессивности или конфликтности: если раньше он был неразговорчивым, то сейчас из него и слова не вытянешь.

Стоило кому-нибудь упомянуть, что Доно осталось соседствовать с ними 80 дней, Китагава тут же награждал несчастного яростным взглядом. В итоге заключённые и вовсе перестали обсуждать освобождение Доно в присутствии мужчины.

Однажды ночью, почувствовав поцелуй Китагавы, Доно сначала не мог сообразить – происходит это наяву или же он продолжает дремать. Мгновением позже он осознал, что сам ласкает скользкий язык мужчины у себя во рту. Обычно Доно не отвечал на действия Китагавы, зная, что от ответной реакции тот может потерять голову. Но день за днём настойчивый натиск сокамерника и неумолимо приближающееся освобождение ослабили эмоциональную скованность Доно.

Непередаваемое чувство – сплетать языки во время поцелуя. Происходящее казалось сном. Доно овладело желание почувствовать больше, и он с жадностью притянул Китагаву ближе. После долгого поцелуя сокамерник обнял его так крепко, что воздух в лёгких, казалось, вот-вот закончится. Это наконец отрезвило Доно.

Осознав, что всё происходит в реальности, он запаниковал. Китагава никогда не забывал про ночного патрульного и обычно позволял себе лишь наполовину высунуться из-под одеяла, чтобы дотянуться до Доно – так он мог быстро вернуться на своё место, когда слышал тихие шаги. Но сегодня по какой-то причине он полностью перебрался на футон соседа.

Доно вспыхнул от стыда, ощутив, как колено Китагавы легонько трётся о его твёрдый пах – последствие чувственных и жадных поцелуев.

– Хватит... Стой...

Возражения потонули в новом поцелуе. Не отрываясь от губ Доно, Китагава сильнее надавил коленом на пах партнёра. С каждым скользящим движением бедра Китагавы между ног Доно, восставшая плоть, жаждущая прикосновений, неумолимо твердела. Жар, разливавшийся по телу, скапливался внизу живота.

– Стой... – взмолился шёпотом Доно. – Пижама... испачкается.

Дразнящие движения прекратились, вместо этого в штаны Доно скользнула тёплая ладонь и аккуратно накрыла верхушку пениса. Пальцы чуть сжали головку.

Бороться с желанием стало невозможно, и Доно кончил в руку мужчины. Китагава поцеловал разгорячённого партнёра, языки вновь переплелись, посылая стаю мурашек по спине Доно.

Вдруг Китагава оторвался от соседа и быстро юркнул под своё одеяло. Через несколько мгновений появился надзиратель. Когда он скрылся из виду, сокамерник бесшумно поднялся, чтобы вымыть руки, и Доно заткнул уши, пытаясь заглушить звук льющейся воды.

Доно всё ещё сжимал уши руками, когда Китагава вернулся на место и обхватил ладонью правое запястье соседа. Рука мужчины была ледяной, как и вода в умывальнике, но вскоре согрелась.

Они держались за руки до самого утра, и каждый раз, когда Доно пытался высвободить свою ладонь, Китагава сжимал её с новой силой.

Следующий день по расписанию приходился на день физических упражнений на улице. Доно не мог избавиться от дурного предчувствия, зная, что проведёт это время наедине с Китагавой. Он попытался было завязать разговор с Сибой, но Китагава успел его перехватить, отвёл к забору и посадил рядом с собой – слишком уж близко для дружеского общения.

– Я думал, что только мне доставляют удовольствие наши поцелуи, – тихо проговорил Китагава. Доно понял, что сокамерник имел в виду его эрекцию прошлой ночью, и, не решаясь поднять на него взгляд, уставился под ноги.

– Ты скоро уходишь, Такафуми. Я не хочу расставаться.

– Ничего не поделаешь.

– Я не хочу с тобой расставаться.

Мужчина стиснул правую руку Доно.

– Я так не хочу расставаться, – с мольбой повторил он. Сердце Доно затрепетало. Этот человек пережил жестокое обращение матери, ложное обвинение в

убийстве, и никогда прежде не знал человеческого тепла... Но теперь он доверился Доно. При мысли об этом появилось острое желание хоть чем-то ему помочь.

– Через год тебя тоже выпускают, и мы сможем видеться на свободе.

– Ты будешь со мной, когда я выберусь отсюда, Такафуми? – спросил Китагава, всматриваясь в его лицо. «В каком смысле «будешь со мной»?» – подумалось Доно.

– Если ты имеешь в виду жить вместе, то не получится. Но я уверен, мы сможем время от времени встречаться, общаться...

– Я хочу жить с тобой.

– Это неправильно. Двое мужчин не могут жить вместе.

– Какизаки сказал, что некоторые гей-пары съезжаются.

Для Доно было ударом услышать «гей» в свой адрес. Он всегда воспринимал себя как натурала и смирился с поцелуями, только чтобы избежать лишних неприятностей.

– Я не... Я не гей.

– У тебя был стояк от поцелуя мужчины. Ты точно гей.

Доно покраснел до самых ушей.

– Я... Я принял тебя за другого человека.

– За другого человека?

Ложь без особых усилий сорвалась с языка.

– На свободе меня ждёт любимый человек. Это женщина, конечно. Мы давно встречаемся и собираемся пожениться.

Китагава моментально побледнел. Доно никогда прежде не видел, чтобы у человека так быстро и очевидно менялось выражение лица.

– ...Поэтому я не могу с тобой жить. Так что... давай останемся друзьями.

Китагава опустил изумлённый взгляд. Рот его оставался приоткрытым от шока. Он обхватил голову руками и весь сжался в комочек. Доно отвернулся и притворился, что заинтересовался игрой в софтбол, пытаясь прогнать этот жалкий образ из сознания.

Должно быть, Китагаву очень потрясла новость о возлюбленной Доно: он перестал вести себя раскованно. Сошла на нет слишком интимная близость, прекратились ночные поцелуи.

На лице Китагавы постоянно читалась озабоченность, будто он был погружён в тяжёлые размышления. Каждую свободную минуту он проводил в задумчивом разглядывании Доно. Когда Доно вычёркивал из календаря очередной день, пристальный взгляд сокамерника казался особенно настойчивым и вызывал неприятные ощущения. Как-то вечером после ужина произошло одно досадное событие. Доно тогда оставалось провести в неволе два месяца. Сиба, Кумон и Какизаки обсуждали узника из соседней камеры, которого недавно заключили в изолятор. Доно читал. Китагава сидел рядом, уставившись в книгу в его руках.

– Меня выпустят 15-го августа следующего года, – внезапно сообщил Китагава.

– В августе...

– В середине августа. Когда я выйду, Такафуми, я приду к тебе, – уверенно заявил он.

– Конечно. Встретимся и поболтаем.

– Ты будешь жить в квартире?

Доно удивился вопросу, но всё-таки ответил:

– Скорее всего, да. Родители теперь живут в деревне. Моё возвращение только принесёт им неприятности. Кроме того, думаю, в городе больше шансов найти хорошую работу.

– Ты будешь жить со своей девушкой?

Ложь про девушку совершенно выпала у Доно из головы, и только вопрос Китагавы заставил вспомнить об обмане.

– Не знаю точно.

– Если ты будешь один, я хочу жить с тобой.

– Нельзя. Я собираюсь...

– Только до тех пор, пока твоя девушка не переедет к тебе, или пока вы не поженитесь. Если квартира будет маленькой, я могу жить в чулане. Когда найду работу, я буду тебе платить.

– Не в этом дело. Я...

– А когда ты женишься, я поселюсь в соседней квартире. Я не буду тебя беспокоить. Мне достаточно будет видеть твоё лицо хотя бы раз в день.

Доно не знал, что ответить.

– Я о многом думал, – продолжил Китагава, – и всё равно хочу быть с тобой.

Доно сложил руки в замок на столе и потёр больше пальцы друг о друга.

– Эм... Ну, мне приятно, что я тебе так нравлюсь, но...

– Если мы будем жить вместе, и тебе захочется привести девушку домой и заняться с ней сексом, я просто выйду и дождусь, когда вы закончите.

– Извини, я на минутку, – отрывисто произнёс Доно и удалился в туалет, не в состоянии больше продолжать этот неловкий разговор. Однако когда он вернулся, в воздухе висела всё та же тяжёлая, угнетающая атмосфера.

Они просидели в молчании до самого отбоя, затем убрали стол, переоделись и расстелили футоны.

– Эй, – позвал Китагава, когда Доно, завернувшись в одеяло, закрыл глаза. – Все говорят, что я ненормальный, но я правда раньше думал, что не так уж плохо провести здесь всю оставшуюся жизнь. Иногда тут становится слишком жарко или слишком холодно, зато не надо думать, где достать еду. Когда меня выпустят, я не знаю, чем займусь. Но стоило подумать, как здорово было бы жить с тобой – оставаться рядом весь день напролёт, не боясь наказания, – и мне очень захотелось скорее выйти отсюда.

Доно казалось, он не имел права слышать такие слова, но и проигнорировать их не мог: Китагава был серьёзен.

– Когда ты рассказал про девушку, Такафуми, я всё думал и думал. Но сколько бы ни обдумывал это, всё равно хочу быть с тобой.

Китагава устремил на Доно пристальный взгляд.

– Такафуми, я всегда думаю о тебе. Я думаю о тебе с той секунды, как просыпаюсь и до того момента, как ложусь спать. Твоя девушка также часто о тебе думает?

– Я хочу спать, – сказал Доно и закрыл глаза. Китагава сразу же замолчал. Даже с закрытыми глазами мысли о соседе не покидали Доно. Однако пусть он и чувствовал угрызения совести из-за обмана, брать свои слова назад не собирался.

На следующие выходные, когда в тюрьме устроили очередной отдых для второй категории заключённых, Китагава и Кумон, пребывавший в радостном предвкушении своей первой «вечерники», отправились посмотреть фильм.

Сибя и Доно погрузились в чтение. Какизаки сосредоточился на разглядывании журнала про машины, но вскоре, кажется, ему это надоело. Тогда он положил его обратно на полку и полез с разговорами к Доно.

– Расскажи о своей девушке, Доно-сан?

Доно оторвался от чтения книги.

– Мне братец говорил, – протянул Какизаки. – Вы поженитесь, когда тебя выпустят? Она, верняк, добрая. Ждёт парня, которому дали срок.

– Да, наверное... – неопределённо ответил Доно. Он не ожидал, что Китагава расскажет кому-то об этом случайном обмане.

– О чёрт, я *так* удивился, – продолжил Какизаки. – Я-то думал, что вы с братцем вместе. Вы ведь, ребята, всю ночь развлекались, да?

– Эм... Это было...

– Я *так* ревновал, знаешь ли. А потом братан вдруг перестал тебя лапать. Мне показалось это странным, я спросил у него, и он рассказал про девушку, – Какизаки пожал плечами. – Я не встречаю, чувак. Братан – смелый чел, но иногда чё-то заикливается на всякой херне. Ему надо научиться различать жизнь за решёткой и жизнь на свободе.

Вдруг Какизаки понизил голос до шёпота.

– У ты там ничё не зудит, раз вы с братаном перестали этим заниматься? Знаешь, я делаю неплохой минет.

– Мне это не интересно.

– Но ты же делал это с братцем, так?

Возразить на это было нечего.

– Я думаю, у тебя есть гейские наклонности, Доно-сан. Я видел пару раз, как вы с братцем лизались, и тебе точно было кайфово.

– Достаточно, – пригрозил Сиба. – Доно же сказал, что ему не интересно твоё предложение. А если Китагава наконец сдастся, ему же будет лучше.

– Да, но братец всё ещё грузится, точно вам говорю. Я проснулся как-то ночью поссать, а он *так нялился* на Доно-сана. Я думал, он на него набросится, но нет, он просто смотрел.

Они услышали отдалённые голоса заключённых – надзиратели проводили перекличку, – и скоро Китагава и Кумон вернулись в камеру. Кумон оживлённо хвастался, какую обалденную закуску им давали, а Китагава молчал, опустив голову.

Ночью Доно проснулся от того, что кто-то аккуратно потряхивал его за плечо. Губ коснулось что-то твердое, и, откусив немного, Доно понял, что сегодняшнее угощение – печенье в шоколадной глазури. Мужчина медленно прожёвывал лакомство, стараясь не шуметь, а Китагава молча за ним наблюдал.

– Вкусно? – спросил он. Когда Доно кивнул, мужчина слабо улыбнулся и опустил взгляд.

– Спасибо, но больше не стоит этого делать, – прошептал Доно. Китагава поднял на него глаза. – Не нужно приносить мне сладости. Тебе достанется, если поймают, – конечно, он понимал, как неуместно звучали эти слова после того, как он съел печенье.

– Пусть наказывают, – равнодушно ответил Китагава. – Я не знаю, как ещё сделать тебя счастливым.

Доно опустил взгляд.

– Я люблю тебя, Такафуми, но...

Доно вновь посмотрел на Китагаву.

– Любить так больно, правда? – произнёс сокамерник. – Такафуми, мне всегда будет настолько больно любить тебя?

Доно охватило непреодолимое желание убежать далеко-далеко. Но в то же время сердце, казалось, вот-вот разорвётся от искренности этого признания. Он чувствовал, как больно сейчас Китагаве, и хотел хоть чем-то отплатить за его нежную привязанность.

– Пожалуйста, пока мы здесь, – пробормотал Китагава, – думай только обо мне. Забудь о своей девушке. Тебе осталось меньше месяца. Только это время...

«Только этот короткий срок, – подумал Доно. – Он хочет, чтобы я «думал только о нём». Это ведь всего лишь чувства. Если ему достаточно просто моего обещания, тогда...»

– Хорошо.

Китагава резко поднял на него взгляд.

– Только пока мы здесь...

До этого момента Китагава полусидел, наклонившись в его сторону, но вдруг обнял Доно и крепко прижал к себе, немного напугав мужчину. Последовал глубокий поцелуй – настолько глубокий, что скоро нечем было дышать. Доно решил, что «думать» обозначало лишь мысленную близость, и никак не ожидал, что Китагава подразумевал и физическую. Мужчина целовал его снова и снова, изредка прерываясь на рваные вдохи. Доно чувствовал тяжесть его тела, каждое движение его бёдер. В паху твердело от прикосновений чужого языка к чувствительным точкам во рту. Наконец Китагава, полностью забравшись к Доно под одеяло, обнаружил его возбуждение.

– Значит, у тебя тоже встаёт на меня, – рука Китагавы сжала чувствительный бугорок через ткань штанов. Доно отвернулся от нависшего над ним мужчины.

– Я представил другого человека на твоём месте...

– Кого?

Доно всё так же избегал смотреть Китагаве в глаза.

– Мою девушку, – пробормотал он.

– Обманщик.

– Я... Я не вру.

– Твои глаза всё время были открыты. Ты знал, что это я, Такафуми.

Угодив в ловушку, Доно прикусил губу, но язык Китагавы проник в его рот. Доно не мог возмутиться, не мог даже сопротивляться, когда рука мужчины скользнула в пижамные штаны. Ладонь с силой, до боли стиснула член у основания и, всё так же крепко сжимая, прошлась по всей его длине.

Острое, до потери сознания сильное наслаждение волной пронеслось по всему телу. Сладкая дрожь пробежала по спине Доно, он готов был уже кончить, как вдруг Китагава юркнул обратно на свой фuton.

– Чт...

Штаны и бельё Доно оставались спущены, кончик торчащего пениса тёрся о грубую ткань одеяла. Мужчина услышал шаги ночного охранника. Тот, казалось, проходил мимо их камеры целую вечность. Доно обхватил рукой член и провёл ладонью по всему стволу. Вязкая жидкость выплеснулась на пальцы. Нужно было вытереть руку, но до салфетки было не достать. Он дождался, пока надзиратель удалится, но встать не успел – Китагава вновь скользнул под его одеяло.

Мужчина заметил, что член Доно опал.

– Сам справился? – прошептал он.

Доно не ответил. Китагава приспустил штаны и потёрся своим стоячим членом о пах Доно.

Он толкался в него бёдрами несколько минут, прежде чем Доно ощутил тёплую жидкость, сочащуюся из кончика его пениса. Китагава медленно поднялся на ослабших ногах, взял с полки несколько салфеток и начисто вытер Доно. После ещё одного жадного поцелуя он опустился на свой фuton и попытался заснуть, сжимая в своих руках правую ладонь Доно.

Рука мужчины всё ещё была перепачкана спермой. Он попытался сжать пальцы, но Китагава не позволил.

Почувствовав липкую жидкость, Китагава, наконец, понял, почему Доно так упорно не хотел разжимать кулак.

– Это твоя, Такафуми?

Доно не ответил. Тогда мужчина высунул язык и лизнул его ладонь.

– Сто... Стой!..

Доно задрожал от возбуждения, чувствуя шершавый язык на своих пальцах. Китагава вылизал всё без остатка, крепко сжал ладонь Доно и закрыл глаза.

Для Доно это была всего лишь привязанность, единение чувств и эмоций, но Китагава воспринимал их отношения иначе. После слов Доно о том, что его ждёт девушка, действия сокамерника приобрели ещё более интимный характер. Его заигрывания стали более явными и вызывающими, казалось, мужчину не заботят косые взгляды заключённых. Свои страстные порывы он сдерживал лишь перед надзирателями. Доно не мог чувствовать себя в безопасности даже в их камере.

Когда они были рядом, Китагава, казалось, физически нуждался в прикосновениях. Он сжимал руку Доно или клал ладонь на его плечо. Однажды он даже пошёл на хитрость: притворившись, что хочет что-то сказать ему на ухо, игриво укусил Доно за мочку.

Поцелуи участились – теперь даже дневной свет не смущал Китагаву. Как-то он чуть не довёл Доно до обморока, поцеловав у всех на глазах после ужина. Сокатерники ошарашено уставились на них. А когда Доно просил его воздержаться от поцелуев на людях, Китагава только отмахивался, заверяя, что никого это особо не заботит.

Теперь Доно яснее некуда понимал, что Китагава просто без ума от него. Где бы они ни находились, что бы ни делали, мужчина смотрел только на него. Не отвлекаясь ни на что и ни на кого вокруг. Кроме того, его бесконечные признания – «Я люблю тебя», «Я так сильно тебя люблю» – могли пошатнуть уверенность в отсутствии ответных чувств у любого.

«Пошатнуть уверенность» – именно это удалось сделать Китагаве. Упорное нежелание Доно целоваться на публике таяло с каждым поцелуем. Он даже привык к тому, что Китагава каждую ночь залезает к нему под одеяло и практически раздевает его догола.

Китагава снова взялся за рисование. На этот раз из-под карандаша вышел план маленького одноэтажного дома.

– Вот вход. Справа по коридору кухня, а напротив неё слева – гостиная. Дальше за ней спальня. Вот ванная, а здесь туалет.

Китагава подробно, до мелочей объяснял Доно свою задумку.

– Вокруг дома будет забор. Во дворе я посажу дерево. Я хочу цветущее дерево. Вишню или что-то подобное.

Китагава продолжал радостно болтать, наполняя рисунок деталями.

– А ещё я хочу собаку. Большую. По вечерам мы будем вместе её выгуливать.

Доно расстраивала беззаботная болтовня Китагавы о мечтаниях и их совместном будущем. Их отношениям, основанным на данном Доно обещании, оставалось длиться чуть меньше месяца, но мужчина говорил так, будто верил, что они продлятся вечность.

– Эй, как ты думаешь, сколько стоит такой дом? 3 миллиона¹⁴? Думаю, к тому времени как выберусь отсюда, у меня на руках останутся 300 000¹⁵ от зарплаты. Как ты считаешь, этого будет мало?

– Не думаю, что ты сможешь найти дом за 300 000...

– Если бы ты был рядом, я смог бы жить и под мостом, но тебе там, наверно, будет холодно. И ты так легко заболеваешь, – Китагава воровато оглянулся, прежде чем припал к шее Доно и легонько прикусил её. А затем вдруг до боли засосал нежную кожу. Стая мурашек пробежала по спине Доно.

– Ты помнишь наше обещание? – спросил Доно.

Китагава кивнул.

– Ты же знаешь... это будет длиться, только пока мы здесь.

– Я думаю... – Китагава потупился. – Думаю, мне нужно будет поговорить с твоей девушкой, когда я выйду на свободу. У нее, возможно, получится найти себе кого-нибудь другого. Но я... Я могу быть только с тобой. С тобой и ни с кем больше.

– А как же мои чувства? – спросил Доно.

Китагава глянул на него исподлобья.

– Ты ведь тоже меня любишь.

¹⁴ Приблизительно 1 000 000 рублей.

¹⁵ Приблизительно 100 000 рублей.

Доно оторопело уставился на Китагаву.

– Если бы ты не любил меня, то не был бы так добр ко мне, – Китагава лизнул его щёку и легонько уткнулся в неё носом, будто собака, выражающая верную преданность хозяину.

Внезапно по зданию пронёсся вой sireны. Удивлённые узники мигом засуетились. Кумон притворился, что собрался в туалет, украдкой выглянул в коридор и сообщил сокамерникам, что на их этаже всё спокойно. Кажется, на другом этаже или в противоположном крыле развязалась драка.

Только Доно подумал, что эти sireны невероятно нервируют, как Китагава схватил его за правую руку.

– Что?

Не удосужившись ответить, Китагава вжал его в стену в узкое пространство между двумя свёрнутыми футонами и, не теряя ни секунды, вовлёк Доно в поцелуй, а затем дёрнул вниз его штаны и бельё.

– Эй... Стой...

Протесты Доно потонули в новом поцелуе. Руки Китагавы забрались под рубашку и с силой ущипнули за соски.

– Охранники не заглянут сюда, пока не разберутся с шумихой, – прошептал Китагава и чуть приподнял вжавшегося в стену Доно, просовывая между его ног колено. Он прижался вставшим членом к паху партнёра и стал тереться о него в неистовом ритме. «Все смотрят», – пронеслось в мыслях Доно, и он попытался сопротивляться. Однако остановить Китагаву было уже невозможно, и мужчина кончил под ослепительным светом ламп дневного освещения.

Потрясённый, Доно обмяк на колене Китагавы. Тот снова прильнул к нему в поцелуе и, скользнув липкими от их смешавшейся спермы пальцами по мошонке, погладил анус Доно. Прежде Китагава ласкал только его член, не покушаясь на это место.

Кончики пальцев мужчины подразнили вход и толкнулись внутрь. Доно дёрнул ногами, пытаясь высвободиться.

– Стой... Прекрати!

– Пальцами не больно, так ведь?

– Это... мерзко...

Каждую мольбу Китагава заглушал поцелуями и продолжал настойчиво исследовать тело партнёра, осторожно и терпеливо разрабатывая анус мужчины двумя пальцами. Действия Китагавы, несомненно, вызывали отвращение, и всё же, когда один палец коснулся какой-то точки внутри Доно, мужчина затрепетал и почувствовал, как член вновь наливается кровью. «Все смотрят!» – Доно зажмурился, почувствовав себя униженным.

Осторожные пальцы Китагавы выскользнули из Доно, и когда он подумал, что мучения кончились, тупая боль пронзила нижнюю часть тела. Доно всего затрясло, стоило ему осознать, что в него вторгается чужой член.

– Нет... Хватит!..

Он попытался оттолкнуть Китагаву, но объятия мужчины были сильнее.

– Бо... Больно! – закричал Доно в агонии, и Китагава в ответ страстно поцеловал его, продолжая резкими толчками ритмично вдавливаясь в обессиленное тело. «Ужасно», – подумал Доно. Они жили в одной камере, вместе принимали ванну и видели друг друга голыми бесчисленное множество раз. Но секс – совершенно другое. Это было похоже на публичное изнасилование.

Китагава содрогнулся, крепче сжимая Доно в своих объятиях. Через несколько мгновений он наконец вышел из партнёра и подарил ему долгий поцелуй. Затем, взяв салфетку, осторожно и тщательно вытер смесь спермы и крови, вытекающей из Доно.

Какизаки метнулся в туалет. Китагава поправил на Доно одежду и потянул за собой на их места за столом, будто бы ничего не произошло. Доно понятия не имел, о чём говорить.

Его изнасиловали на виду у сокамерников в тесной камере. Убежать или спрятаться у Доно не было и шанса. Смущение, чувство униженного достоинства и стыд захлестнули мужчину. Он вытянул руки на столе и положил на них голову. Ниже поясицы саднило.

– Было больно? – спросил Китагава, прильнув к его спине. У Доно духу не хватило ответить. – Но я слышал, когда привыкнешь, боль уйдёт.

Глаза наполнились слезами, плечи пробила мелкая дрожь. Доно не мог понять, какое чувство сильнее – злость или стыд.

– Такафуми?

– Китагава, – нарушил молчание сокамерников Сиба. – Зачем ты сделал это именно сейчас? Подумай о том, как чувствовал себя бедный Доно.

– Что?

– Я понимаю, если бы ты сделал это ночью, или когда никого нет поблизости. Но представь, каково это – раздвигать ноги у всех на виду! По меньшей мере должно смущать.

Китагава погрузился в молчание. Доно продолжал полулежать на столе, не поднимая головы. Мужчина наклонился к нему и прошептал на ухо:

– Я люблю тебя.

Когда объявили отбой, Доно калачиком свернулся под одеялом. Дважды приходилось вставать по нужде: у него было что-то вроде диареи. Всякий раз, когда он принимал сидячее положение, анус раздирала нестерпимая боль, а при ходьбе приходилось наклоняться вперёд, чтобы хоть как-то облегчить её. Невыносимо унижительно было появляться на людях в таком виде.

Китагава без конца повторял «Я люблю тебя», будто оправдываясь этими словами, но Доно его игнорировал, переворачивался на живот и притворялся спящим. Когда после сигнала об отбое гас свет, Китагава немедленно перебирался к нему под одеяло. Доно пихался и пинался, пытался прогнать мужчину, но тот нежно целовал его и заключал в крепкие объятия.

Но сколько бы раз Китагава ни шептал слова признания, Доно больше не отвечал на его поцелуи. Когда сокамерник чувствовал, что Доно не в духе, он с неохотой возвращался на своё место. Китагава пытался, как прежде, взять его за руку, но мужчина не позволял даже этого.

Как-то глубокой ночью Доно проснулся от странных ощущений между ног, как будто кто-то ласкал его пенис. Потянувшись рукой к ногам, он почувствовал жёсткую щетину на голове человека. Гнев охватил Доно: Китагава смеет

развлекаться с его телом, даже когда он так яростно отстаивал своё право на неприкосновенность?! Сколько бы сил он ни прикладывал в попытке отстранить голову, мужчина не двигался с места.

– Кэй! Кэй, прекрати! – возмутился он шёпотом, но тот не слушал.

– Доно-сан.

Голос под одеялом принадлежал не Китагаве, и Доно застыл в потрясении.

– Только ртом, Доно-сан. Я не трону твою задницу. Ещё чуть-чуть, пожалуйста.

– Нет... Стой! Хватит! – осознав, что его домогается не Китагава, Доно передёрнуло от отвращения.

– Иди к чёрту!

– Ещё чуть-чуть, пожалуйста.

Они продолжали препираться, пока внезапно одеяло не полетело в сторону, явив взору Какизаки, расположившегося между голых ног Доно и облизывающего достоинство мужчины.

Над ними в грозной позе навис Китагава. Его глаза, гипнотизирующие Какизаки, метали молнии. Он, не жалея сил, пнул мужчину подальше от Доно. Какизаки вскрикнул от боли и весь сжался. Китагава схватил его за грудки, вздёрнул вверх и, замахнувшись, врезал кулаком по лицу. Тот отлетел к противоположной стене и приземлился на футон Кумона, разбудив хозяина.

– Како... Какого хрена?!

Какизаки взвизгнул от страха и спрятался за спиной Кумона, но Китагава вытянул его за шкурку из убежища и нанёс ещё два мощных удара по лицу.

– Бра... Братец, прости меня! Мне так жаль!

Китагава проигнорировал его слова и продолжил избиение, а затем наотмашь треснул головой мужчины о стену. Какизаки повалился на пол. Китагава вновь бросился к нему, но Сиба схватил его со спины за подмышки.

– Китагава, успокойся!

Какизаки ринулся в туалет, пока Сиба пытался обуздать мужчину.

– Эй! Какого чёрта здесь происходит?! – рявкнул из-за двери ночной охранник. Китагава, не слушая даже окликов надзирателя, вырвался из хватки Сибы и в одно мгновение оказался у двери туалета. Пинком открыв её, он ворвался внутрь.

– Ааааагх! Аааааа!

Леденящие кровь вопли Какизаки, отражаясь от стенок тесного помещения, эхом разнеслись по этажу. Заревели сирены, послышался громкий топот. Отворилась дверь, в камеру ворвались четыре охранника и, схватив двух заключённых, выволокли их из уборной.

На лице Какизаки было сплошное кровавое месиво, изо рта текли слюни. Китагава отчаянно отбивался от надзирателей. Хотя все четверо крепко удерживали его за руки и ноги, он всё равно умудрялся яростно извиваться будто змея. Один из охранников с размаху пнул мужчину по рёбрам. Послышался громкий треск, и Китагава на миг прекратил сопротивление.

– По... Пожалуйста, не бейте его! – взмолился Доно, бросившись к ним.

– Не отходить от стен! – взревел охранник, вlepив ему звонкую пощёчину. При виде этого Китагава стал вырываться ещё ожесточённое. Теперь все четыре надзирателя набросились на него с тумаками и пинками.

Тело Китагавы обмякло и его потащили из камеры, словно мешок картошки. Доно услышал слабый голос, зовущий его по имени. Он вырвался из цепкой хватки ночного патрульного и кинулся в коридор.

– Такафуми, Такафуми, – отчаянно звал голос, постепенно замирая вдали. Надзиратель впихнул Доно обратно в камеру.

Какизаки отвели в лазарет, а Китагаву отправили на допрос. По команде охранника трое оставшихся в комнате мужчин прибрались в камере и улеглись на футоны.

Но Доно не мог заснуть. Он волновался о ранах Какизаки, но ещё больше его беспокоил Китагава: он буквально сходил с ума от тревоги, представляя, какой жестокости его сейчас, вероятно, подвергают. Он отчаянно молился, чтобы Китагаву, как его самого когда-то, не заключили в изолятор.

Прошло трое суток, наступили четвёртые, но ни Китагава, ни Какизаки всё не возвращались. На четвёртый день вещи Какизаки вынесли из камеры. Доно бросило в дрожь – может, мужчина скончался? Но Сиба сказал, что его просто перевели в другую камеру, и Доно с облегчением выдохнул.

Вскоре к ним перевели новенького – сорокалетнего мужчину, осуждённого за хранение наркотиков стимулирующего действия. Он был немного тучным, и его нос постоянно жирно блестел, как крылья таракана.

Пролетели три недели, но Китагава по-прежнему не появлялся. До освобождения Доно оставалось меньше недели. Он думал, что сокамерник успеет вернуться, пока Доно ещё здесь, но с каждым днём надежда таяла. Доно слышал от других заключённых об узнике, наказанном за драку с сокамерником. Того человека приговорили к месячному облегчённому заключению в изоляторе.

Доно думал о том, чтобы через Сибу передать Китагаве адрес своих родителей, когда того выпустят из одиночки. Можно было ещё написать его на чём-нибудь из вещей соседа, но если бы это обнаружилось во время проверки, Китагаве бы не поздоровилось. Так что попросить Сибу, чтобы он передал адрес на словах, было безопаснее и надёжнее. Доно прекрасно помнил, что выбирать посредника нужно осмотрительно. Никто не отрицал возможность того, что эту информацию используют ему во вред, как это случилось с Мицухаси.

Во время отдыха на улице Доно отозвал Сибу в сторонку, отвлекая его от просмотра игры в софтбол, и повёл за собой в дальнюю часть двора. Когда они остались наедине, он нерешительно спросил у сокамерника, не мог бы тот при возможности передать его адрес Китагаве.

Сиба помолчал с минуту, очевидно, обдумывая просьбу.

– Я передам без проблем, но, Доно, ты уверен?

– Уверен в чём?..

– Я спрашиваю, действительно ли ты готов продолжать такие отношения с Китагавой даже на свободе?

Вопрос попал в самую точку. Доно уставился под ноги.

– Лично я думаю, что стоит оставить всё это здесь, за решёткой, как часть твоей тюремной жизни. Я не говорю, что Китагава плохой парень. Просто хочу сказать, что там, на свободе, люди становятся совсем другими. В том мире, где тебя окружают столько возможностей, сможешь ли ты остановить свой выбор на нём?

Доно замер в нерешительности. До этого момента он так отчаянно думал о том, как бы передать Китагаве адрес, что этот вариант совершенно вылетел у него из головы.

– Если не готов остаться с ним до конца своих дней – просто забей. Это относится и к «давай будем друзьями». Китагава не сможет ограничиться лишь этим.

Сибэ ушёл, оставив Доно наедине со своими мыслями. Он размышлял о том, действительно ли любит Китагаву. Поначалу сосед казался бесчувственным человеком, но потом открылась доброта Китагавы, и проснулась жалость к его несчастной жизни. Он с нежностью относился к этому человеку, но были ли в его сердце романтические чувства? Возможно, всё дело в сострадании к Китагаве, к его несчастливому прошлому? Может, его чувства просто пришли в смятение из-за необычных обстоятельств, при которых их свела судьба?

Чем же объяснить этот шквал эмоций – это непреодолимое стремление увидеть лицо Китагавы, отчаянное желание избежать последнего «прощай»? Сколько бы ни блуждали мысли в поисках ответа, сознание молчало.

За день до освобождения Доно переводили в другую камеру. Накануне во время последнего совместного ужина к нему подошёл Сибэ.

– Ну вот, тебе остался всего лишь шаг до свободы, верно? – обратился он к Доно, и они немного поболтали о всяких пустяках.

«Если ты всё ещё хочешь передать Китагаве свой адрес...» – вот что, вероятно, подразумевал Сибэ под всеми этими пустыми разговорами. Доно не дал ему адреса. Но в то же время это не обозначало, что он окончательно решил разорвать все связи с Китагавой.

Доно выпустили пятого июня. Когда он проходил по длинному, безмолвному коридору, ему послышался голос Китагавы. Доно оглянулся, но вокруг не было ни души.

За ним приехали родители с сестрой, и Доно не сдержал слёз при виде семьи. Он поехал домой к родителям в деревню, впервые за долгое время отведал материнской стряпни и вскоре задремал мирным сном. Однажды Доно проснулся посреди ночи, с тревогой обнаружил, что спит, укрывшись одеялом с головой, и одёрнул его до подбородка. Через мгновение он вспомнил, что тюрьма позади, и криво усмехнулся.

Не прошло и месяца, как Доно устроился бухгалтером в продуктовую компанию. Сразу же после освобождения он вступил в общество поддержки людей, подвергшихся ложному обвинению за домогательство, и получил работу по рекомендации одного из членов группы.

С началом работы Доно съехал от родителей и стал снимать квартиру. Он был занят всё время, совмещая работу и активное участие в жизни общества поддержки.

На третий месяц работы ему призналась девушка из того же отделения. Она была на семь лет моложе Доно. В мыслях всплыл образ Китагавы, но невозможно было отрицать – миниатюрная, хрупкая девушка ему очень нравилась.

У него не хватило духу отказать ей, и они стали встречаться. Воспоминания о тюрьме никогда не покидали Доно, но слабели с каждым днём. Тем не менее он всё ещё до ужаса боялся поездов и не мог набраться смелости вновь на них ездить.

Так прошёл целый год. До освобождения Китагавы оставалось меньше месяца, и девушка Доно сообщила ему радостную новость – она беременна. Уже два месяца. Доно боялся, что её родители воспротивятся их союзу из-за его судимости – пусть и несправедливой. Однако они с радостью приняли его в свою семью. Приготовления к свадьбе проходили в спешке, и в суматохе предпраздничных дней Доно и не заметил, как наступило 15-ое августа – день освобождения Китагавы.

Доно ничего не обещал, но подумав, что в этот радостный день никто, вероятно, не приедет встретить мужчину, сердце сжалось от жалости. Он представил себе Китагаву, одиноко стоящего за воротами тюрьмы, и захлестнувшие его чувства

стали практически невыносимыми. Доно хотел, чтобы хотя бы один человек – он – был рядом с бывшим сокамерником в такой момент. Он собрался было начать приготовления в дорогу, но, присев на минутку на край кровати, не нашёл в себе сил подняться. Китагаву выпустят не раньше 10-ти часов, а сверхскоростной экспресс едет до тюрьмы два с половиной часа. Значит, чтобы успеть вовремя, Доно должен сесть на семичасовой поезд. Но ноги отказывались двигаться.

Время шло, а он продолжал неподвижно сидеть на кровати. Доно хотелось взглянуть Китагаве в глаза, увидеть его лицо, но в то же время он безумно боялся встретиться с ним один на один.

То будущее, о котором грезил Китагава, теперь закрыто для Доно. Они не смогут жить вместе. Зная это, сможет ли Китагава радоваться их встрече?

«Почему нельзя просто дружить? Так нам не пришлось бы расставаться. Я точно знаю – дружба длилась бы дольше романтических отношений».

Время пролетело незаметно – солнце ушло за горизонт, а Доно всё сидел на краю кровати. В груди жгло. На глаза выступили незванные слёзы. А он всё не мог понять, почему так горько плачет...